

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»
КАФЕДРА ОБЩЕЙ СОЦИОЛОГИИ**

**СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК
2011**

**СБОРНИК
НАУЧНЫХ ТРУДОВ**

**Москва
2011**

Теория и история социологии

Коллектив авторов

Социологический ежегодник 2011

«Агентство научных изданий»

2011

ББК 60.5

Коллектив авторов

Социологический ежегодник 2011 / Коллектив авторов —
«Агентство научных изданий», 2011 — (Теория и история
социологии)

ISBN 978-5-248-00619-9

В статьях, обзорах и рефератах анализируются проблемы социальной теории и эмпирических социологических исследований. Среди основных тем - тенденции и перспективы развития социологии как научной дисциплины, социальная солидарность в условиях общественных трансформаций, социология возрастных групп. Для социологов и философов, преподавателей, аспирантов и студентов вузов.

ББК 60.5

ISBN 978-5-248-00619-9

© Коллектив авторов, 2011
© Агентство научных изданий, 2011

Содержание

Хроника текущих событий: Предисловие	5
I. Битва гигантов: Дебаты о международной социологии	7
От редакционной коллегии	7
Еще одна социологическая утопия ¹ (Перевод с англ.)	7
Последний позитивист ²³ (Перевод с англ.) ²⁴	18
Десять тезисов о статусе социологии в неравном мире (Перевод с англ.) ²⁹	28
«Пациент отказался от госпитализации», или в защиту социологии	30
II. Социальная солидарность как проблема классической и современной социологии	33
Статьи и обзоры	33
Многоликая солидарность ³³	33
Вожаки в группах животных и человека ³⁹	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Социологический ежегодник, 2011. Сборник научных трудов

Хроника текущих событий: Предисловие

Н.Е. Покровский

В своем предыдущем выпуске «Социологический ежегодник» с элегической печалью отмечал, что в российской социологии не наблюдается явных изменений и в итоге «на всех фронтах без перемен». Но как тут не поверить в знаменья. Стоило публично объявить о пришествии умиротворенности, как в российской социологии грянула буря.

Возникла она словно ниоткуда. Еще в октябре 2010 г. Российское общество социологов (РОС) – национальное научное объединение социологов, работающее на всем географическом пространстве России и представляющее российских социологов в Международной социологической ассоциации, объявило о начале подготовки к IV Всероссийскому социологическому конгрессу в Уфе (Башкортостан). Дело это вполне рутинное.

По необходимости немного истории. Подобные конгрессы сочетают в себе немалую долю академической ритуалистики, отчасти помпезности, но на конгрессах есть и интересные научные сессии. Важны и личные встречи социологов. Короче, смотр рядов, подведение итогов и разговор о планах на будущее. Примечательно и еще одно, а именно присутствующее на конгрессе чувство единения – «мы, социологи, вместе», «у нас одна наука».

Весь вопрос, однако, состоял в том, что год от году российским социологам становилось все труднее садиться за один общий стол, будь то международные и внутренние конференции, совместные публикации и другие академические мероприятия. Нередко приходилось в основном говорить о погоде, дабы не создавать неудобства. В «Социологическом ежегоднике» (2010) уже отмечался тот факт, что в отечественной социологии обозначили себя три главных, но неравновесных во многих отношениях идейных лагеря. Первый из них связан с научной социологией, отвечающей международным исследовательским стандартам и подчеркивающей значимость объективной социологической экспертизы, по возможности независимой от каких бы то ни было иных институтов общества. Второй трансформационно возник из советского обществознания с его упором на апологетику, идеологизирующую роль социального знания и стремление непременно превратить социологию в партисипаторную систему управления обществом. Наконец, третий лагерь – это всякого рода анклавные и субкультурные образования отечественных постмодернистов, прокладывающих свой «третий путь» и время от времени посылающих чуму «на оба ваших дома».

Эти водоразделы в российской социологии возникли не вчера. Но на протяжении последнего десятилетия они практически не приходили в боевое столкновение друг с другом, не считая нескольких важных эпизодов. В общем и целом между этими силами были поделены основные социологические факультеты и институты, журналы, конгрессы, конференции, издательства и пр. Одной из немногих площадок, на которой сохранялась видимость коммуникации между лагерями, продолжали оставаться всероссийские социологические конгрессы. Таким был по счету последний, III Всероссийский конгресс (октябрь 2008 г.). Он был формально единым для всей российской социологии, но фактически уже на нем после помпезного открытия и своеобразной по своей научной пестроте и уровню докладов пленарной сессии

социологи разошлись по различным «квартирам», где представители каждого лагеря в основном и слушали друг друга.

И вот РОС в 2010 г. по традиции предлагает организовать очередной конгресс по старой проверенной схеме. А схема такая: собираемся вместе под одной крышей, всем будет дано слово, никто открыто ни с кем не воюет, а в научных сессиях дифференцируемся и диверсифицируемся по интересам и научным ориентациям. И все шло к тому, чтобы эту старую схему воспроизвести в очередной раз.

Но не тут-то было. В атмосфере полной секретности и без консультации с кем бы то ни было группа социологов, представленная тяжеловесами из числа директоров институтов и ректоров университетов, проводит постановление о том, что, мол, будет другой всероссийский конгресс, и не в Уфе, а в Москве в Колонном зале Дома союзов и с мощной поддержкой сверху. Естественно, на этот реприманд научная общественность отреагировала возмущенными письмами и петициями по самым различным адресам. Два конгресса, два всероссийских конгресса, проходящие в один и тот же год под одним и тем же названием – не абсурд ли это? Притом один, РОСовский, уже был объявлен давно и во всеуслышание, а другой, «съезд Колонного зала», провозглашен среди своих небольшой группой социологов.

На наших глазах разворачивается достаточно драматичная судьба социологии в нашем Отечестве. Сколько книг, статей и диссертаций написано о том, как в Советском Союзе социологию запрещали, уничтожали, а потом из пепла в мучениях возрождали. Теперь же мы воочию видим, как ту же социологию режут на части, в результате чего ее будущее становится непредсказуемым.

События на социологическом поле разворачиваются с немалой скоростью. На конец 2011 г. мы, так или иначе, имеем следующую картину.

Объявлены и готовятся на полных оборотах два всероссийских конгресса. Попытки их формального объединения в один конгресс с двумя последовательными частями (был такой вариант) не увенчались успехом. Готовят эти конгрессы два совершенно различных и не сообщающихся друг с другом программных комитета. В повестку дня конгрессов заложены принципиально различные формулировки и идейные составляющие. Более того, социологическое сообщество, некогда более или менее единое, теперь делится на тех, кто будет в Колонном зале, и тех, кто поедет в Уфу. Исключая аспирантов, стремящихся к паблисити и публикациям любой ценой и на любой конференции, размежевание среди социологов сохраняется. Поделились между собой и социологические факультеты – на тех, кто с «белыми», и тех, кто с «красными». Для пущей авторитетности своей интриги «социологи Колонного зала» вновь под покровом тайны и секретности организовали свою новую всероссийскую общественную социологическую организацию – Социологическую ассоциацию России (академическая) (САРА). Теперь уже у всех всего поровну: конгрессов, ассоциаций и всего остального.

Печальная история, надо сказать, с многочисленными последствиями. И вовсе не шуточными. Не исключается вариант, при котором через какое-то время российское общество однажды проснется без по-настоящему научной социологии, а лишь с какими-то фрагментами чего-то из прошлого и одной большой и неделимой социологией, управляющей обществом по велению свыше. Будем надеяться, этого не произойдет.

И. Битва гигантов: Дебаты о международной социологии

От редакционной коллегии

Мощная полемика охватила в наши дни не только российскую социологию, но и социологию мировую. Кажется, настал роковой час выяснения отношений по ключевым вопросам того, откуда есть пошла социология и что с ней будет происходить в будущем. На этом проблемном поле скрестили свои ипаги лидеры современной социологии – Майкл Бура-вой и Петр Штомпка. Первый – ныне действующий президент Международной социологической ассоциации, другой – недавний президент той же ассоциации. Оба основали свои школы, каждый имеет в своем арсенале авторитетнейшие публикации, книги, учебники по социологии.

Итак, вопрос ставится ребром – «или-или». Или социология, по мысли М. Буравого, должна воспрянуть от летаргического сна последних десятилетий и, активно вторгаясь в жизнь социума во всех странах и весях, начать крестовый поход за объединение «индигенной» социологии стран «третьего мира» в борьбе за всеобщую, глобальную справедливость; либо социология, по убеждениям П. Штомпки, призвана максимально усилить свой научный и академический потенциал для поддержания международных эталонов прикладных исследований и теоретических интерпретаций, не делая при этом скидок на то, в каком регионе мира и кем эти исследования и интерпретации делаются.

Лозунг М. Буравого: «Социологи всех стран третьего мира, объединяйтесь!». Лозунг П. Штомпки: «Социологи, будьте прежде всего учеными, верными классической традиции в социальной науке».

Согласимся, примирить эти позиции, полемически обнаженные, достаточно трудно. Проблема при этом состоит в том, что в наши дни каждый социолог, хочет он того или нет, вынужден высказать свое мнение по этому ключевому вопросу, ибо на наших глазах и при нашем участии во многом решается судьба профессии.

Еще одна социологическая утопия¹ (Перевод с англ.)

П. Штомпка

В этих двух томах собраны результаты конференции Международной социологической ассоциации (МСА), проведенной в 2008 г. в Тайбэе при содействии Тайваньской социологической ассоциации и Academia Sinica. Она была созвана по инициативе тогдашнего вице-президента МСА, а ныне президента МСА Майкла Буравого. На ней присутствовали 60 участников из 43 стран; в книгах собраны 53 статьи, представленные ими в ходе трехдневных заседаний.

Структура этой подборки поражает своей странностью для книг по социологии: единственный зримый ее критерий – географический. Мы видим части, озаглавленные «Латинская Америка», «Африка», «Западная Азия», «Азиатско-Тихоокеанский регион», «Западная, Северная и Южная Европа», «Восточная и Центральная Европа». Порядок глав внутри этих объемных частей выглядит совершенно произвольным и лишен всякого тематического упоря-

---

¹ Sztompka P. Another sociological utopia // Contemporary sociology. – L., 2011. – Vol. 40, N 4. – P. 388–396. Рецензия на книгу: Facing an unequal world: Challenges for a global sociology / Ed. by M. Burawoy, Mau-kuei Chang, M. Fei-yu Hsieh. – Taipei: Institute of sociology: Academia Sinica: International sociological association, 2010. – Vol. 1–3. Опубликовано в рубрике «Спор о международной социологии».

дочения. Даже с точки зрения географии имеются некоторые странные упущения. В Западной Европе мы не обнаруживаем Германии, колыбели классической социологии, не находим Италии, Швеции и Норвегии. Еще более озадачивающим является опущение Северной Америки. И это странно для книги о «глобальной социологии», если иметь в виду несомненную силу социологии в Соединенных Штатах и Канаде. Да, есть американец Майкл Буравой, но он предлагает нашему вниманию лишь вводную редакторскую главу² и рассматривает трехстраничные «заключительные размышления» Джен Мари Фриц, тоже американки³, как представительные для американской социологии. Признание всех континентов за исключением Северной Америки наводит на мысль, что в мире существует межконтинентальная коалиция социологов, игнорирующих или отвергающих американскую социологию и развивающих альтернативные методы, понятия, модели и теории – не просто иные, но фундаментально лучшие. Возникает мысль о смене парадигмы, подлинной революции – если не в глобальном обществе, то уж, по крайней мере, в социологии.

Это впечатление целиком подтверждается содержанием почти тысячи страниц трудов конференции. Это самая широкая разработка и обобщение идеологии, которая на протяжении довольно долгого времени пропитывала Международную социологическую ассоциацию (МСА) и теперь обрела своего наиболее вдохновенного и убедительного поборника в лице Майкла Буравого. Эта идеология сводится к трем оценочным и нормативным суждениям. Во-первых, в мировой социологии доминирует западная (североамериканская и европейская, или, коротко, «евро-американская») социология, которая сама по себе плоха для дисциплины. Во-вторых, вне США и Европы есть какие-то альтернативные, корневые или «индигенные» социологии, которые очень ценны, но подавляются и целиком исключаются американско-европейской гегемонией. В-третьих, нормативный императив, вытекающий из этих двух утверждений, требует борьбы за глобальную социологию, которая защищала бы эгалитарное представительство многих социологий, действительно существующих в сегодняшнем мире, достижение сбалансированного единства и избавление от предполагаемых предвзятостей американских и европейских социологов.

Я противостоял этой идеологии в ходе многолетнего исполнения своих обязанностей на разных постах в МСА. Избираясь на пост президента МСА в 2002 г., я использовал политически очень некорректный лозунг «Мастерство, а не баланс» и, несмотря на это, был избран на 4-летний срок (2002–2006) на Всемирном конгрессе в Брисбене. В «Справочнике МСА по разным социологическим традициям» (ISA handbook of diverse sociological traditions, 2010) я настаивал на том, что есть и может быть только одна социология, изучающая множество социальных миров. Три тома, здесь мною рассматриваемые, дают мне возможность вступить в более аналитическую дискуссию и прояснить мою позицию. Рассмотрим каждое из трех вышеприведенных утверждений по очереди.

Плоха, потому что западная?

Неравенство в мире, фигурирующее в названии обсуждаемых книг, схватывается с помощью четырех противопоставлений, появляющихся в них снова и снова: «Север – Юг», «Запад – Восток», «развитые – недоразвитые» и «метрополис (центр) – периферия». Упреки в американском и европейском доминировании по каждой из этих осей воспроизводятся почти во всех статьях. Что касается экономических ресурсов, политического влияния, военной мощи,

---

² Facing an unequal world: Challenges for a global sociology / Ed. by M. Burawoy, Maukuei Chang, M. Fei-yu Hsieh. – Taipei: Institute of sociology: Academia Sinica: International sociological association, 2010. – Vol. 1. – P. 3–27.

³ Facing an unequal world: Challenges for a global sociology / Ed. by M. Burawoy, Maukuei Chang, M. Fei-yu Hsieh. – Taipei: Institute of sociology: Academia Sinica: International sociological association, 2010. – Vol. 3. – P. 279–282.

цивилизационного уровня, технической инновационности и культурного производства, то очевидно, что мир неравен и что во многих из этих областей Запад все еще доминирует (насколько долго это продлится – другой вопрос). Попытка смягчить вытекающие отсюда несправедливости и неравенства и эмансипировать те регионы или страны, которым отказано в процветании, свободе и других благах современности и которые от этого благоденствия отлучены, – дело благородное и в полной мере похвальное. Однако было бы мегаломанией считать, что это величественное гуманное чаяние может быть осуществлено социологами, представляющими собой по большей части «безвластную элиту».

Поэтому совершенно уместно, что эти книги скромнее: они о внутреннем неравенстве и доминировании в социологической дисциплине, трактуемых как отражение этих более фундаментальных разделений в нашем глобализированном обществе. Авторы вносят лепту вовсе не в социологию недоразвитости, а в поддисциплину, известную как социология социологии, которая иногда производит впечатление змеи, кусающей собственный хвост. Меня поражает, сколько интеллектуальных сил тратится на все эти «отчеты о тенденциях», повествующие о развитии социологии в разных странах и пестрящие названиями исследовательских учреждений, темами грантов, названиями экзотических журналов и именами неизвестных исследователей, которые никого не интересуют. Вот несколько экземпляров этого жанра в обсуждаемых томах: статьи Яноша Мухи о Восточной Европе⁴, Мау-куэя Чанга и др. о Тайване⁵, Фаада аль-Насера о Кувейте⁶, Чарльза Крозерса о Новой Зеландии⁷, Моконга Симона Мападименга о Южной Африке⁸. Между тем большинство статей, вошедших в эти книги, иного рода, и они вызывают еще более серьезные возражения.

Эти авторы превращают социологию социологии в идеологическое занятие, бесстыдно отказывающееся от описания и объяснения ради чисто идеологического, оценочного или нормативного языка. Изобретательность навешиваемых ярлыков поистине впечатляюща: академическая зависимость, интеллектуальный империализм, американский империализм, колонизация социологии, интеллектуальный колониализм, доминирование метрополии, метропольная теория, западная гегемония, северная гегемония, северная перспектива, замаскированная под универсализм, навязывание европейских понятий и теорий мейнстримовой американской и европейской социологией, исключение Юга, исключение Востока, доминирование английского языка, евроцентризм и даже «вестоксикация», подлинно новаторское добавление к сленгу антизападничества.

Подобный язык создает хаос и непонимание, когда используется экспрессивно – скорее для передачи эмоций, чем для прояснения значений. Чтобы внести сюда какой-то порядок, мы должны различить два уровня, на которых клеятся такие ярлыки: институциональный и интеллектуальный. Очевидно, что на уровне институтов, организаций и сообщества социологов «мы глубоко вплетены в глобальные неравенства, привязаны к неравному распределению материальных ресурсов (доходов, исследовательских фондов, преподавательских обязательств, условий труда), социального капитала (профессиональных сетей, покровительства) и культурного капитала (образовательных регалий, университетского престижа, языковых способностей, публикаций)»⁹. Как польский социолог, я был бы последним, кто стал бы отрицать такого рода неравенства; когда я впервые был гостевым профессором в Соединенных Штатах

---

⁴ Facing an unequal world: Challenges for a global sociology / Ed. by M. Burawoy, Maukuei Chang, M. Fei-yu Hsieh. – Taipei: Institute of sociology: Academia Sinica: International sociological association, 2010. – Vol. 3. – P. 187–206.

⁵ Ibid. – Vol. 2. – P. 158–191.

⁶ Ibid. – Vol. 2. – P. 132–138.

⁷ Ibid. – Vol. 2. – P. 228–243.

⁸ Ibid. – Vol. 1. – P. 213–221.

⁹ Слова Майкла Буравого. См.: Facing an unequal world: Challenges for a global sociology / Ed. by M. Burawoy, Mau-kuei Chang, M. Fei-yu Hsieh. – Taipei: Institute of sociology: Academia Sinica: International sociological association, 2010. – Vol. 1. – P. 6.

в начале 1980-х годов, мое американское жалование было почти в 50 (да, 50) раз выше, чем я получал у себя дома. Одна из частных мер успеха посткоммунистической трансформации в моей стране состоит в том, что теперь я зарабатываю уже только в пять раз меньше, чем мои американские коллеги. Но во-первых, в социологии в этом отношении нет ничего специфического. Все отрасли науки, включая естественные и технические науки, неравно оснащены в разных частях мира; ускорители частиц, лаборатории, экспериментирующие с геномом человека, и радиотелескопы, через которые наблюдаются черные дыры, можно найти только в некоторых странах. И во-вторых, такие неравенства являются прямым результатом тех фундаментальных экономических, политических, военных и прочих различий между странами, которые были упомянуты выше. Можно мечтать о более справедливом распределении ресурсов в мире, но, как признает Саид Фарид Алатаас, «мы, ученые, можем сделать не так уж много на структурном или материальном уровнях академической зависимости, поскольку не отвечаем ни за институты, ни за государство»¹⁰. Озабоченность эта законна, мы можем жаловаться и клеймить ситуацию, но в большинстве случаев не в наших силах ее улучшить.

Но обвинения в гегемонии, империализме, колонизации и зависимости выражаются также на эпистемологическом уровне: в отношении содержания социологического знания (теорий, моделей) и характера социологических методов. Здесь мы подходим к сути вопроса и подлинно спорной области. Есть непреложная историческая истина, что социология, как и многие другие вещи, хорошие или плохие, родилась в Европе в XIX в. и была предложена как новая дисциплина бородатыми белыми мужчинами, по большей части еврейского происхождения, жившими в Германии, Франции и Британии. Затем, на рубеже XIX–XX вв., она пережила второе рождение в Соединенных Штатах. Европейские и американские корни сформировали канон, или, если угодно, парадигму дисциплины, которая показала себя весьма плодотворной, и в ней, с некоторыми коррективами и расширениями, мы до сих пор движемся. Именно эта интеллектуальная сила европейских и американских мастеров, а не их предположительные империалистические амбиции или академический маркетинг, привела к принятию этого канона во всех частях мира, куда ступила социология. Этот канон, конечно, внутренне плюралистичен, в нем есть конкурирующие модели, теории, методологические ориентации и исследовательские процедуры. Критическая оценка каждой из них нужна и приветствуется как центральное требование этоса науки. Такой смысл придается «критической социологии» в четырехчленной типологии Майкла Буравого, включающей наряду с ней «профессиональную социологию», «прикладную социологию» и «публичную социологию»¹¹. Увы, в обозреваемой книге мы не находим и следов «критической социологии», никаких содержательных аргументов в отношении той или иной теории, того или иного метода. Более того, мы не находим там следов и других трех «социологий». Вместо этого мы находим всплеск дискурса, который я бы назвал «идеологической социологией», и даже Буравой, вероятно, не принял бы его как пятый тип «социологии».

Многие авторы, внесшие в книгу свою лепту, видимо, верят, что уже в силу того, что мейнстримовые социологические методы и теории были предложены и развиты в каноне Европы и Соединенных Штатов, этом ядре капитализма и империализма, они отмечены этим грехом происхождения, а их экспансия на другие континенты произошла «на дулах винтовок», как насаждение и узурпация, параллельно колониализму или по крайней мере неоколониализму. Наверное, в этом аргументе было бы рациональное зерно, если бы он относился к христианской религии и насильственному обращению. Но социология, по крайней мере в какой-то

---

¹⁰ Ibid. – Vol. 2. – P. 139.

¹¹ Слова Майкла Буравого. См.: Facing an unequal world: Challenges for a global sociology / Ed. by M. Burawoy, Mau-kuei Chang, M. Fei-yu Hsieh. – Taipei: Institute of sociology: Academia Sinica: International sociological association, 2010. – Vol. 1. – P. 15–24. См. также ранние формулировки «публичной социологии»: Burawoy M. For public sociology // British j. of sociology. – L., 2005. – Vol. 56, N 2. – P. 259–294.

степени, есть наука, а не религия; это поиск истины, а не декларация веры; она пытается находить регулярности, механизмы, способы функционирования и изменения в социальной жизни. Умудренные уроками антипозитивистского поворота, мы все же не сможем отрицать, что в какой-то мере, на каком-то уровне социология схожа с естественными науками. Оскорбителен ли для кого-то в Эквадоре, Бангладеш или на Тайване тот факт, что квантовая физика родилась в Копенгагене, Гейдельберге или Беркли или что человеческий геном был реконструирован в Калифорнии? Сомневается ли кто-нибудь в том, что гравитация работает в Африке, несмотря на тот факт, что она была открыта в Британии? Зачем в социологии заменять универсализм науки крайним релятивизмом? При этом конкретные эмпирические обстоятельства социальной жизни в разных частях мира различны, так же как и в разных «социальных мирах», имеющих внутри каждого континента, региона или страны. Однако регулярности и механизмы человеческого поведения, межличностных отношений, образования групп, установления правил, осуществления власти и возникновения неравенств – одинаковы, универсальны. Клод Леви-Стросс отправился в амазонские джунгли в поисках экзотических различий, а нашел, как он сам признает в «Печальных тропиках» (Levi-Strauss, 1959), просто человека. При всех своих слабостях и лакунах, канон социологического знания говорит нам важные вещи о людях, мужчинах и женщинах, и неважно, живут ли они в Париже, Дакаре, Кито или Киото.

Лучше, потому что индигенная?

Разумеется, социальное знание, как и любое знание, несовершенно, предварительно и приблизительно. Прогресс в социологии, как и в любой другой науке, – это непрекращающийся процесс накопления наблюдений, понятий, гипотез, моделей и теорий. Нет никаких причин для того, чтобы фонд социологического понимания и инструментарий социологического ремесла обогащались только в традиционных европейских или американских центрах, западных университетах или исследовательских институтах. Новые прозрения, интуиции, точки зрения, подходы могут проистекать из опыта множества незападных обществ. И они действительно из него поступают, ибо сегодня социология практикуется более чем в 140 странах. Лепты, приходящие из таких источников, расширяют и дополняют существующее знание и методологический арсенал. Многие социологи из так называемого «второго» или «третьего» мира (или, как принято говорить в МСА, из стран категорий «В» и «С»), проникают в нормальные каналы заметности, существующие в нашей дисциплине: конгрессы, конференции, журналы, издательства, преподавательские назначения. Они более чем приветствуются, и не из-за того, откуда они прибывают, а в силу того, что они приносят с собой подлинные социологические вкусы. Я бы назвал это «слабой программой глобальной социологии». И я бы первым вознес хвалу, если бы авторы обсуждаемых книг делали то же самое, что делают другие, а иногда и они сами, например, в журналах МСА: «International sociology», «Current sociology», серии международной социологии издательства «Sage», а также на других академических платформах, широко доступных социологическому сообществу. А именно: если бы они сообщали об интересных эмпирических исследованиях, теоретических открытиях и методологических изобретениях, внося тем самым лепту в кладезь социологической мудрости. Или если бы они, пользуясь социологическими инструментами, встретили с открытым забралом список насущных социальных проблем, оглашенный на открытии Тайбэйской конференции нобелевским лауреатом по химии Ли Юаньцзэ: это демографический взрыв, истощение природных ресурсов, разрушение окружающей среды, изменение климата, цивилизационные болезни, разрыв между богатыми и бедными, неграмотность, безработица, неустойчивое развитие¹². Многие

---

¹² Facing an unequal world: Challenges for a global sociology / Ed. by M. Burawoy, Maukuei Chang, M. Fei-yu Hsieh. – Taipei: Institute of sociology: Academia Sinica: International sociological association, 2010. – Vol. 1. – P. 28–34.

социологи, и далеко не только европейские и американские, вносят вклад в диагноз, объяснение и рекомендации по таким и схожим проблемам.

Но большинство авторов обсуждаемых томов не вносят этого вклада, хотя многие из них известны важными социологическими исследованиями, сделанными с помощью инструментов «мейнстримовой социологии» в Индии, Бразилии, Южной Африке, Израиле и других странах за пределами хулимого Запада. Вместо содержательных вкладов мы имеем несколько десятков идеологических манифестов, проповедующих какую-то эфемерную «альтернативную социологию», или «корневые социологии», призванные скорее заменить, чем дополнить подавляющий империалистический канон. Все они распевают радикальную, революционную песню под дирижерскую палочку Буравого. Они выдвигают то, что я назвал бы «сильной программой глобальной социологии». Один из ее поборников постулирует: «Незападные традиции знания и культурные практики должны считаться потенциальными источниками социально-научных теорий и понятий, призванных уменьшить академическую зависимость от мировых социально-научных держав» (С.Ф. Алатас)¹³. Да и сам гуру прочерчивает революционный путь: «Вызов универсализму западной социологии – двухступенчатый проект: он должен сначала показать, что они не отражают опыт подчиненных населений, а затем продемонстрировать, что есть альтернативные теории, игнорировавшиеся и подавлявшиеся метропольной социологией» (М. Буравой)¹⁴.

Что касается первого шага в этом проекте, то вынужден признать: я просто не понимаю, о чем, собственно, идет речь. Разве недавняя книга лорда (*страшно сказать*) Энтони Гидденса о глобальном потеплении (Giddens, 2009) не отражает опыт Бангладеш или Сейшельских островов, которым угрожает повышение уровня Мирового океана? Разве теория стигматизации Эрвинга Гоффмана нерелевантна для понимания остатков кастовой системы в Индии? Разве изучение бедности и бездомности в Варшаве, столице Польши, Чикаго или Париже не отражает опыт бедных и бездомных людей, где бы им ни довелось жить? Социологическое исследование, пока оно достойно зваться наукой, отражает универсальные трудности, социальные проблемы, человеческую озабоченность, давая обобщенное знание для диагноза, объяснения, предсказания и возможного их устранения там, где они проявляются. Таким образом, я не вижу в первом шаге Буравого никакого смысла. Может быть, это просто идеологическая риторика и революционный пыл?

Однако самая суть дела заключена во втором шаге: нахождении «альтернативных теорий» в противовес «метропольной социологии». С тех пор как Акинсоло Акивово призвал к «индигенной африканской социологии» (Akiwowo, 1986), я был озадачен такими заявлениями и искал возможные примеры этих альтернативных, индигенных социологий. Акивово таких примеров не дал, а поскольку он основывает свои выводы в области социологии знания на эмпирических свидетельствах африканской устной поэзии, то указывает он вовсе не на альтернативную социологию, а на новые оригинальные данные, которые поддерживают (или, может быть, подрывают) «мейнстримовую» социологию знания Маркса и Манхейма. Это вписывается в «слабую программу», которую я принимаю, но при этом я продолжаю поиск примеров «сильной программы», т.е. подлинных альтернатив. Как усердный подписчик журнала «International sociology», я надеялся найти что-то там. Но чаще всего я находил обычные социологические методы (обследования, анкетный опрос, кейс-стади, контентанализ, включенное наблюдение, статистические измерения и индикаторы), применяемые к контексту незападных обществ и подтверждающие (или фальсифицирующие) стандартные социологические теории (функционализм, марксизм, символический интеракционизм, феноменологию). Поэтому я возлагал последние надежды на трехтомник Буравого и его коллег. Какое разочарование! Я вновь не

---

¹³ Ibid. – Vol. 2. – P. 139.

¹⁴ Ibid. – Vol. 1. – P. 11.

обнаружил ни одного убедительного случая новой оригинальной индигенной теории, ни одного нового оригинального индигенного метода. Что я нашел, так это заявление одного из сильнейших сторонников «индигенизации», по всей видимости, пилящего сук, на котором он сидит: «Проблема большинства работ по этим вопросам в том, что в них мало делается для разработки альтернативных теорий и понятий и много сил тратится на дискуссии о необходимости таких альтернатив» (С.Ф. Алатас)¹⁵. Как верно и как уместно здесь описываются тон и посыл всех трех томов! Увы, Алатас пытается привести некоторые конкретные примеры. И что мы получаем? Замечание, что «в азиатских исследованиях коммуникации китайские, японские и корейские ученые смотрели на индигенные понятия»¹⁶, такие, как «бао», которое в китайском означает взаимность, «бянь», означающее изменение, «гуаньси», означающее сеть взаимоотношений, или «кэ ци», означающее вежливость. Но эти понятия китайского языка – просто эквиваленты хорошо известных «мейнстримовых» социологических идей: «взаимности», «изменения», «взаимоотношений», «вежливости». Выходит, «индигенная социология» – это любая социология, написанная на ином языке, чем английский? Является ли тогда моя книга о доверии, опубликованная на китайском языке (Sztompka, 2006), написанная в Польше и впервые изданная в Кембридже (Sztompka, 1999), вкладом в индигенную польскую, британскую или китайскую социологию? Я до сих пор вынужден продолжать поиски примера индигенной, альтернативной социологии.

Но прежде чем я его найду, позвольте мне немного потеоретизировать по этому вопросу. Слово «индигенная» может означать много разных вещей: во-первых, все незападное (не европейское и не американское); во-вторых, ограниченное одной цивилизацией; в-третьих, ограниченное каким-то одним регионом; в-четвертых, ограниченное одним национальным государством (в наше время это наиболее общая рамка, в которой ведется социальная жизнь). Давайте остановимся на последнем смысле. Такой выбор легитимирует и сам Буравой: «Строительным блоком этой [глобальной] мозаики является национальная социология, ведь нация всегда была для социологии основной единицей анализа, а также определяла параметры ее поля действия»¹⁷. В ряде недавних заявлений Ульрих Бек (Beck, 2006) критикует «теорию контейнера», основанную на допущении «методологического национализма». Но идея, что социальная жизнь проживается внутри отдельных контейнеров, помеченных границами национальных государств, все еще во многом остается с нами, о чем свидетельствует не только приведенное утверждение, но и содержание трех обсуждаемых томов. Достаточно взглянуть на второй том об Азии и на названия его глав. Мы находим «бангладешскую социологию», «индийскую социологию», «турецкую социологию», «кувейтскую социологию», «армянскую социологию», «азербайджанскую социологию». Таким образом, «социологии» во множественном числе явно считаются демаркированными по границам национальных государств.

Но что вообще могло бы означать наличие индигенных национальных социологий (во множественном числе)? Позвольте мне воспользоваться названием воображаемого Королевства Лаилонии, придуманного для схожей цели польским философом Лешек Колаковским (Kolakowski, 1989). Что могло бы иметься в виду под лаилонской социологией? Первое значение тривиально: социология в Лаилонии, изучаемая и развиваемая в тамошних университетах и исследовательских учреждениях. Это любимая тема скучных «отчетов о трендах». На этом институциональном и организационном уровне нет большого числа национальных характеристик, ибо благодаря глобализации структуры академических центров по всему миру очень схожи. Во-вторых, под ней может иметься в виду социология, которая пишется и публикуется

¹⁵ Facing an unequal world: Challenges for a global sociology / Ed. by M. Burawoy, Maukuei Chang, M. Fei-yu Hsieh. – Taipei: Institute of sociology: Academia Sinica: International sociological association, 2010. – Vol. 2. – P. 144.

¹⁶ Facing an unequal world: Challenges for a global sociology / Ed. by M. Burawoy, Maukuei Chang, M. Fei-yu Hsieh. – Taipei: Institute of sociology: Academia Sinica: International sociological association, 2010. – Vol. 2. – P. 147.

¹⁷ Ibid. – Vol. 1. – P. 4.

на лаилонском языке. Но, разумеется, если дело лишь в языке, то тут нет ничего индигенного. Если перевести ее на другие языки, то это будет та же самая социология. Здесь мы сталкиваемся с псевдопроблемой «империализма» английского языка. Вместо того чтобы радоваться тому, что теперь, опять же благодаря глобализации, мы можем изучать только один иностранный язык, чтобы иметь доступ к всемирному академическому сообществу, включая все важные книги, когда-либо написанные, некоторым людям хотелось бы вновь возвести Вавилонскую башню и отвергнуть английский язык как инструмент господства, подавления, исключения и еще бог знает чего. Чем быстрее социологи из Лаилонии пишут и публикуются на английском, тем лучше для них, и тем лучше для социологии. Третье значение – социология лаилонцев как уроженцев этого королевства. Но академическое сообщество со времен Средневековья было весьма мобильным, и сегодня благодаря глобализации социологи постоянно находятся в движении, переезжая в зарубежные страны на постоянной или временной основе; их национальность не является при этом значимым маркером их работы. Более глубокий аргумент в пользу индигенной социологии в этом смысле может отсылать к доктрине «инсайдеризма», убедительно отвергнутой еще Робертом К. Мертоном (Merton, 1972), отмечавшим, что социальную реальность необязательно понимать только изнутри. «Аутсайдеризм» тоже может быть подтвержден. В конце концов, непревзойденное исследование американской демократии написал француз Алексис де Токвиль, а швед Гуннар Мюрдаль лучше американцев понял американскую расовую дилемму. Четвертый смысл – это социология о Лаилонии. Выскажу тривиальное замечание, что большинство социологов черпают личный опыт и эмпирические свидетельства в своей стране. Но если они остаются социологами о Лаилонии, и только, то они уже не социологи. Пока их знание остается национально ограниченным и дает информацию только об их собственном обществе, это либо ареальные исследования, либо национальная статистика, но, в моем понимании, не социология. Только когда социологи делают на основе локальных данных обобщения, служащие опорой для утверждений об универсальных закономерностях и механизмах социальной жизни, мы можем говорить об их вкладе в социологию. Теории общества и методы социологического исследования никогда не бывают индигенными, пусть даже они построены на фундаменте локальных фактов и опытов. Наиболее желанным вкладом социологов извне Европы и Америки были бы свидетельства, эвристические догадки, оригинальные локально инспирированные модели и гипотезы о регулярностях, которые вносили бы лепту в универсальный фонд социологического знания в виде верификаций, фальсификаций или расширений. Но все это остается в пределах «слабой программы глобальной социологии», которую я всецело поддерживаю.

Пятым значением будет социология с лаилонской повесткой дня, обращенная к специфическим социологическим проблемам, типичным для Лаилонии. Разумеется, каждая страна отлична от других в этом отношении. Различия в экономической развитости, политическом режиме, культурном наследии, историческом опыте делают некоторые социологические вопросы более злободневными, чем другие. То, что является значимым вопросом для Нигерии, может не быть значимым вопросом для Нидерландов. Некоторые вопросы становятся насущными, другие отходят на задний план. Но они никогда не бывают совершенно уникальными, вопросами *sui generis*, и путь для подхода к ним – это не построение новой «индигенной» теории или метода для каждого из них по отдельности, а рассмотрение локальных особенностей как удобной стратегической исследовательской площадки, своего рода лаборатории для применения стандартного инструментария социологии или для разрешения вечных проблем социальной структуры, социального изменения, роли человеческой деятельности, короче говоря, для внесения вклада в универсальные теории о регулярностях и механизмах социальной жизни. Шестым значением социологии для Лаилонии будет индигенность, ориентированность на локальные, специфические социальные проблемы в попытке смягчить или разрешить их посредством социальных реформ. У Буравого это «прикладная социология» – «policy

sociology», или, в более традиционных терминах, «applied sociology». В научной логике есть непоколебимая истина, что никакие практические директивы не вытекают из одних только фактов или данных. Факты и данные должны быть помещены в контекст какой-то теории, эксплицитной или имплицитной. Только тогда они будут играть роль исходных условий, предполагающих в совокупности с теоретическими суждениями о регулярностях или механизмах предсказания и директивы. Например, в медицине никакая терапия не следует из простого измерения у клиента температуры или даже из в высшей степени сложного томографического исследования. Эти диагностические факты должны быть связаны с теориями различных болезней и телесных механизмов, и только после этого можно будет предложить эффективное лечение. То же касается и прикладной социологии. До тех пор, пока она остается научной, она должна черпать ресурсы из фонда универсальных теорий общества, а не изобретать *ad hoc* какую-то «индигенную» теорию. Представим, что бы происходило с пациентами, если бы медики в каждой больнице конструировали разные теории анатомии и физиологии. Таким образом, прикладные социологи должны принимать во внимание существующий канон социологии. Если они не делают это эксплицитным образом, если их рекомендации не базируются на существующих теориях, то они занимаются не прикладной социологией, а в лучшем случае интуитивной политикой.

Те же доводы можно было бы применить, если бы под «индигенными» имелись в виду не национальные, а региональные, континентальные или цивилизационно специфичные «социологии». Есть много социальных миров, по-разному демаркированных, но нет и не может быть многих социологий. Может быть неполная глобализация общества, как говорят многие авторы в книге «Сталкиваясь с неравным миром», но я утверждаю, что глобализация социологии должна быть полной, по крайней мере, если считать ее наукой. Наука – это область, глобальная (универсальная) по определению. Она была глобальной уже задолго до того, как началась глобализация человеческого общества, фактически с самого своего зарождения, поскольку она занимается поиском универсальной истины: регулярностей и механизмов реальности. Коперник и Кеплер вносили вклад в глобализированную (универсальную) астрономию, Ньютон и Фарадей – в глобализированную (универсальную) физику. Так же и социология всегда легитимировала свои притязания на научный статус стремлением раскрыть универсальные законы человеческого общества. Призыв к альтернативным, индигенным социологиям – это новая версия антинаучного обскурантизма. Есть много разных обществ, но одна социология, одна социальная наука для множества разных социальных миров.

Мечта о глобальной социологии

Третья нога, на которой держится идеология трехтомника, – это призыв к глобальной социологии, понимаемой как эгалитарное партнерство многих индигенных социологий всего мира. Глобальная социология не может быть создана сверху путем насаждения европейских и американских («северных») идей и методов. Скорее, как утверждается, она должна быть выстроена снизу, посредством сопротивления этой «мейнстримовой социологии» со стороны незападных индигенных социологий, объединивших усилия в построении «альтернативной социологии». Поистине революционный проект!

В студенческие годы я столкнулся с марксизмом-ленинизмом, и потому на ум неизбежно приходят некоторые отзвуки этой доктрины и ее логики. Просто рассмотрим примеры. Тезис первый Буравого: социология не имеет собственного предмета, но у нее есть специфическая точка зрения – точка зрения гражданского общества, с которой она только и может изучать рынок и государство, развенчивать «экспансию этих институтов, которая угрожает гражданскому обществу, а стало быть, не только социологии, но и самой способности человечества

защитить себя, например, от деградации среды и труда»¹⁸. Ну чем не отзвук марксистской «перспективистской» социологии знания, в которой только точка зрения пролетариата раскрывает истину эксплуатации и дает защиту от капитализма? Тезис второй: «Поскольку рынки становятся глобальными, то и социология стремится стать глобальной, вносящей вклад в глобальное гражданское общество, связывающей воедино сообщества, организации и движения поверх национальных границ»¹⁹. Социологи всего мира, объединяйтесь; вам нечего терять, кроме своего академического статуса! Парафраз знаменитой сентенции, завершающей первый параграф «Коммунистического манифеста»? Тезис третий: «Если социология может быть конституирована как коллективный актер, то не может ли она также преодолеть оборонительную позицию профсоюзов, как бы она ни была важна, дабы охватить более широкие интересы и глобальное сознание?»²⁰. О да! Пролетарии должны заменить свою узкую профсоюзную ментальность и достичь подлинного классового сознания, как сказали бы об этом Ленин и Лукач.

Пути из утопии

Нет ничего плохого в таких параллелях. Вдохновение может приходиться из разных источников, прозрения могут рождаться при прочтении всякого рода книг. Реальная проблема идеологии обсуждаемого трехтомника в том, что «сильная (революционная) программа глобальной социологии» строится на трех допущениях, которые я считаю ошибочными.

Первая ошибка – это мечтание об эгалитаризме в области, которая по самой своей природе является элитистской, а именно в области науки. Мы хорошо знаем (даже если считаем, что политически корректно это отрицать), что есть великие ученые, хорошие ученые, посредственные ученые, плохие ученые и люди, которые только притворяются учеными. Мы знаем, что есть великие университеты, посредственные университеты, плохие университеты и университеты только по имени. И точно так же мы знаем, что есть ведущие страны, где наука процветает, другие страны, где достижения вторичны и производны, а не оригинальны, и третьи, где наука маргинальна или ее нет совсем. Это также применимо к социологии, социологам, социологическим исследовательским учреждениям и странам, где социология практикуется. Повторю свой лозунг: «Мастерство, а не баланс».

Вторая ошибка – это извлечение ложных выводов из разнообразия и релятивизма. Общества различны: социальные условия, контексты, среды в них различаются, иногда радикально. Но это не значит, что должно быть много социологий, производящих знания для каждого локального, частного контекста. Регулярности и механизмы функционирования и изменения в разных обществах одинаковы. Локальные условия обеспечивают площадку для проверки, коррекции, модификации или приращения универсального социологического знания. Отсюда колоссальная значимость сравнительной социологии, подчеркиваемая всеми, от Огюста Конта до Алекса Инкельса и Масамити Сасаки (Inkeles, Sasaki, 1996). Но не для создания множественных индигенных социологий, каждая о своем отдельном обществе. Повторю: существует одна социология для множества социальных миров.

Третья ошибка – смешение двух разных фаз научного исследования: эвристической фазы и фазы обоснования и доказательства. Вдохновение к эмпирическому исследованию или построению теории может приходиться из разного рода источников. Легенда гласит, что Ньютона ударило по голове упавшее яблоко и что таким образом он открыл закон всемирного тяготения. В социологии важное вдохновение приходит из личного опыта социологов как чле-

---

¹⁸ Facing an unequal world: Challenges for a global sociology / Ed. by M. Burawoy, Maukuei Chang, M. Fei-yu Hsieh. – Taipei: Institute of sociology: Academia Sinica: International sociological association, 2010. – Vol. 1. – P. 25.

¹⁹ Ibid. – Vol. 1. – P. 25.

²⁰ Ibid. – Vol. 1. – P. 26.

нов конкретного общества в конкретном историческом времени. На уровне эвристики великие социологии часто бывают автобиографиями их авторов. Все мы глубоко вовлечены в наши национальные лояльности, культурные ценности, религиозные верования, стереотипы, предрассудки, идеологии. Фактически чем сильнее – тем лучше, поскольку наши частные, локальные или провинциальные или маргинальные обстоятельства могут предлагать повестки дня с проблемами, требующими решения, и наводить на возможные гипотезы и пророчества. Но как только мы вступаем в область обоснования и доказательства, мы должны превращать интуитивные догадки в эмпирически подтвержденные факты, гипотезы – в теоретические объяснения, пророчества – в обоснованные предсказания. Всего этого мы достигаем, прибегая к универсальному методологическому инструментарию социологии и плюралистическому архиву социологических теорий, беря из них то, что нужно для обоснования и проверки наших притязаний на истинное знание об обществе. Мы можем быть очень партикуляристичными в наших вдохновениях и эвристических предположениях. Но мы должны стремиться к универалистскому знанию путем применения универалистских стандартов и критериев социологического метода. Один из отцов нашей дисциплины, один из тех, кого саркастически именуют «так называемыми классиками»²¹, ясно установил: «Было и остается истинным, что систематически правильное научное доказательство в социальных науках, чтобы достигать своей цели, должно быть признано правильным даже китайцем; или, говоря точнее, оно должно постоянно стремиться к достижению этой цели, которой, возможно, нельзя полностью достичь в силу несовершенства данных»²². Вместо того чтобы отвергать «так называемых классиков», я бы предложил – в качестве противоядия от ложного проекта глобальной социологии и индигенных социологий – прочитать их, особенно «Методологию социальных наук» Макса Вебера (американское издание 1949 г.) и «Правила социологического метода» Эмиля Дюркгейма (американское издание 1964 г.). Необязательно читать их по-английски; здесь легко избежать «языкового империализма», поскольку они доступны на большинстве языков.

«Сильная программа глобальной социологии», представленная в обсуждаемом трехтомнике, – это новая социологическая утопия. Даже если она движима добрыми намерениями, ее необходимо отвергнуть. Она неосуществима по принципиальным причинам, указанным в этом обзоре. Она сродни пресловутому поиску черной кошки в черной комнате, в которой ее нет. Единственным ясным и разумным подходом является то, что я назвал «слабой программой глобальной социологии», т.е. согласованная попытка извлекать что-то из вдохновений, идущих из всех стран, всех возможных обществ, культур и цивилизаций, и втягивать социологов из стран с более слабыми социологическими традициями в мировую орбиту принятого и проверенного универсального канона методов и теорий. Эти опыты и такие вклады могут быть в высшей степени ценными для проверки, улучшения, исправления и расширения этого канона, и это лучше, чем отвергать его на ложных идеологических основаниях.

«Слабая программа» реализовывалась и реализуется, и МСА, спонсор этого трехтомника, играет в этом большую роль. Довольно удивительно, но в заключительной главе последнего тома Артуро Родригес-Морато, бывший вице-президент МСА по исследованиям, отказывается быть проглоченным революционным рвением редакторов и предыдущих авторов и представляет отчет о том, что МСА делала, чего она достигла и какие меры она планирует предпринять для осуществления «слабой программы». Наверное, стоило проплыть через 1000 предшествующих страниц, чтобы добраться до этого острова здравомыслия. И все же я бы не рекомендовал делать это читателю. Радикализм этого трехтомника оказывает медвежью услугу социологиям, рождающимся в социологически менее развитых странах, ибо заставляет

---

²¹ Facing an unequal world: Challenges for a global sociology / Ed. by M. Burawoy, Maukuei Chang, M. Fei-yu Hsieh. – Taipei: Institute of sociology: Academia Sinica: International sociological association, 2010. – Vol. 1. – P. 13.

²² Weber M. Methodology of the social sciences. – N.Y.: Free press, 1949. – P. 58.

тамошних ученых сочинять идеологические манифесты и фокусироваться на тщетных попытках изобретения «альтернативных социологий», вместо того чтобы делать нормальную социологическую работу и вносить тем самым свои локальные, частные опыты и вдохновения в мировой, универсальный фонд социологической мудрости.

Литература

1. *Akiwowo A.* Contribution of sociology of knowledge from an African oral poetry // *International sociology*. – L., 1986. – Vol. 1, N 4. – P. 343–358.
2. *Beck U.* *Cosmopolitan vision*. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2006. – 201 p.
3. *Giddens A.* *Politics of climate change*. – Cambridge: Polity, 2009. – VIII, 264 p.
4. *Inkeles A., Sasaki M.* *Comparing nations and cultures*. – Englewood-Cliffs (NJ): Prentice Hall, 1996. – XV, 626 p.
5. *ISA handbook of diverse sociological traditions / Ed. by S. Patel*. – L.: Sage, 2010. – XVII, 366 p.
6. *Kolakowski L.* *Tales from the kingdom of Lailonia*. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1989. – VI, 186 p.
7. *Levi-Strauss C.* *Tristes tropiques*. – P.: Librairie Pion, 1955. – 462 p.
8. *Merton R.K.* *Insiders and outsiders // American j. of sociology*. – Chicago (IL), 1972. – Vol. 78, N 1. – P. 9–47.
9. *Sztompka P.* *Trust: A sociological theory*. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1999. – XII, 214 p. (китайское издание: *Sztompka P.* *Trust: A sociological theory*. – Beijing: Zhonghua book company, 2006. – VI, 273 p.
10. *Weber M.* *Methodology of the social sciences*. – N.Y.: Free press, 1949. – 188 p.

Пер. с англ. В.Г. Николаева

Последний позитивист²³ (Перевод с англ.)²⁴

М. Буравой

Кто ныне читает Конта? Считающийся основателем позитивизма, Огюст Конт утверждал, что всякое знание движется в своем развитии через три стадии: от теологической через метафизическую к позитивной. Позитивная стадия – это поиск законов и регулярностей, позволяющих людям поставить под свой контроль сначала природу, а затем общество. Сначала появились «самые простые науки» – астрономия, физика, химия и физиология; потом, последней, появилась наиболее сложная из всех наук, социальная физика, или то, что он назвал социологией. Она призвана была стать царицей наук. Так говорил Конт.

Обзор книги «Сталкиваясь с неравным миром: Вызовы глобальной социологии», написанный Петром Штомпкой, мужественно возрождает из пепла контовский взгляд на науку, характерный для XIX столетия, – идею единой универсальной социологии, скроенной по образцу естественных наук, которая, по утверждению Штомпки, стала теперь глобальной. Для Штомпки все, что не дотягивает до «универсальных законов человеческого общества», явля-

---

²³ Ответ на рецензию П. Штомпки. Опубликовано в рубрике «Спор о международной социологии» в журнале «*Contemporary sociology*»: *Burawoy M.* *The last positivist // Contemporary sociology*. – L., 2011. – Vol. 40, N 4. – P. 396–404.

²⁴ Я хотел бы поблагодарить за комментарии Мау-куэй Чанга и Мишель Фэй-ю Сие. Они были соредакторами трехтомника «Сталкиваясь с неравным миром» (*Facing an unequal world: Challenges for a global sociology / Ed. by M. Burawoy, Mau-kuei Chang, M. Fei-yu Hsieh*. – Taipei: Institute of sociology: Academia Sinica: International sociological association, 2010) и организаторами очень захватывающей и продуктивной конференции. Все аудио- и видеозаписи заседаний, а также опубликованные доклады можно найти: <http://www.ios.sinica.edu.tw/cna/index.php>

ется ретроградным, т.е. проявлением «антинаучного обскурантизма» – возвратом к метафизике темного Средневековья. Континент до мозга костей, он объявляет социологию наукой, которая «по самой своей природе является элитистской», в которой первую скрипку играют немногие числом «великие ученые», работающие в «великих университетах».

Однако научная мысль со времен Конта продвинулась далеко вперед. Понимание науки, легшее в основу социологии, борющейся за признание и легитимность, очень отлично от ее понимания, установившегося тогда, когда социология уже утвердилась. В более общем плане последние два столетия стали свидетелями огромных преобразований в практике и самопонимании не только социологии, но и самой науки. Цепляясь за позитивизм XIX в., Штомпка делает себя пленником своих допущений: он путает естественные и социальные науки, глобальное и универсальное, реальное и воображаемое, идеологию и утопию, что ведет к превратному описанию сильной и слабой программ в глобальной социологии. Он призывает к мастерству, а не балансу, и не получает на выходе ни того, ни другого. Он заводит себя в Лаилонию – воображаемую контровскую страну, далекую от планеты Земля XXI в. Запершись там и пытаясь воскресить давно минувшее прошлое, он даже не обращается к книгам, обзор которых он вроде бы пишет.

Мой ответ переносит из воображаемой Лаилонии в реальный Тайвань, где в 2009 г. собрались 60 социологов из 43 стран, чтобы обсудить вызовы глобальной социологии. Тайвань был отличным местом для такого обсуждения; это страна, угодившая в челюсти геополитики, столкнувшаяся с целой чередой колонизирующих держав, страна, где социология была втянута в тяжелые и иногда даже яростные общественные дебаты о национальной идентичности, самобытности, развитии и интернационализации. Если какая-то группа социологов и понимает вызовы глобальной социологии, то это тайваньцы.

Сама конференция прошла при совместной поддержке Международной социологической ассоциации, Тайваньской социологической ассоциации и Academia Sinica, одного из ведущих научных институтов в Азии. Всем 57 национальным ассоциациям – членам МСА было предложено прислать своих представителей (представителям более бедных стран оплачивались расходы), и 29 ассоциаций на это откликнулись. Другие страны были добавлены для обеспечения равного численного представительства от всех трех уровней экономического развития, определенных Всемирным банком. Конечно, с одной стороны, многие страны были при этом не включены, но, с другой стороны, пропорциональное представительство не создавало дисбалансов во влиянии разных стран. Сетования Штомпки на то, что было недостаточно североамериканцев, игнорируют повсеместное влияние социологии США.

Сами тома организованы по регионам, что поражает Штомпку «как странное для книги по социологии». Странно это лишь для того, кто мыслит в терминах универсальных, свободных от контекста законов человеческого общества, кто отрицает географические корни социологии, кто считает несущественным, где и как социология создается, и кто считает социологию произрастающей из голов великих ученых как бы путем непорочного зачатия, или того, что Пьер Бурдьё (Bourdieu, 1996) зовет харизматической идеологией «творения». Защищая географический отбор, я показываю, насколько прочно социология Штомпки укоренена в его стране, Польше, насколько изучение социологии в разных странах не является никчемным потворством своим слабостям, а вносит вклад в социологию знания и науки, в организационную теорию, а также в культурную и политическую социологию (если назвать лишь четыре подобласти), и, наконец, что самое важное, в какой степени национальные социологии являются необходимым основанием для всякой эмпирически укорененной глобальной социологии.

Наука сегодня

Искажения слишком глубоки, и потому мы должны начать с самого начала. Что сегодня следует понимать под наукой? Утверждение, что любая наука может быть представлена как индуктивный поиск «регулярностей и механизмов» (Штомпка использует это выражение восемь раз), было действительно разрушено разными школами постпозитивистских мыслителей; их список, если брать только недавнее время, может быть начат с Карла Поппера и будет включать таких выдающихся философов, историков и социологов, как Полани, Кун, Лакатос, Фейерабенд, Шапин, Латур и Хабермас. У каждого из нас есть свои фавориты, но все они показывают, что наука не может быть абстрагирована от ее контекста, – она является продуктом своей истории, а также более широкой истории, в которую она вписана, – и, например, что «эвристика» (или то, что другие называют «открытием») и «обоснование» не могут быть четко отделены друг от друга. Проект науки, от эпистемологий до теорий, от методологий до техник, глубоко пропитан тем социальным миром, в котором наука укоренена.

Таким образом, социология науки находится в сердцевине нынешнего понимания науки. Отвергая социологию социологии как «змею, кусающую собственный хвост», Штомпка упускает из виду простую социологическую истину, что наука, в том числе социология, находится не вне общества, не за пределами социальной детерминации. К естественным наукам это относится не меньше, чем к социальным. Ранние позитивистские философы науки пытались навязать свою конструкцию объективистской, позитивистской науки новым социальным наукам, стремившимся выстроить свое научное реноме, однако никто в установившихся науках не воспринимал их модели всерьез. Одним из важнейших вкладов социологии была демонстрация того, что сама наука есть социальный продукт, и того, как это сказывается на поведении самой социологии.

В числе ранних критиков позитивизма был, среди прочих, Макс Вебер, чью книгу «Методология социальных наук» Штомпка настойчиво советует нам почитать. И разумеется, ее нужно читать²⁵. Из нее мы узнаем, что социальных ученых отличает принятие во внимание самопонимания акторов, которых они изучают; и это правило Штомпка из раза в раз нарушает в своем обзоре, отбрасывая социологическое сообщество, состоящее из «неведомых исследователей, до которых никому нет дела». Он даже осуждает своего коллегу, Януша Муху, за то, что тот опирается на польских социологов, неведомых и незначительных, теряя при этом из виду самую суть очерка Мухи, а она в том, чтобы показать, как впечатляющая польская социология росла в диалоге с националистическими движениями, боровшимися против окружающих держав. Придавая вес только «великим ученым», элитистский взгляд Штомпки на науку загушевывает значимость научного сообщества (или латуровской сети акторов) – т.е. науки как коллективного предприятия.

Даже если оставить в стороне отказ от веберовского «понимания», остается тайной, почему Штомпка рекомендует «Методологию социальных наук». Даже самое поверхностное прочтение этого блестящего бессмертного текста показывает, что Вебер радикально отходит от позитивизма, т.е. от допущения, что социальные науки и естественные науки следуют одним и тем же принципам. Вебер пишет, что мы сталкиваемся с миром бесконечно многообразным и что есть два способа осмысленно к этому отнестись: искать регулярности и выводить законы (путь естественных наук), с одной стороны, и принять ориентирующую ценностную позицию по отношению к миру (путь исторических наук) – с другой. Социальные науки, утверждает

---

²⁵ Предположение Штомпки, что я отвергаю классику, – одно из многих его заблуждений. В этом случае он ложно проецирует на меня неверно истолкованную «Южную теорию» Ревина Коннелла (Connell, 2007).

он, пытаются сочетать объяснение и интерпретацию, но при этом он настаивает, что не может быть социальной наукой без ценностной позиции.

Вебер последователен. Поскольку всякое социальное действие имеет ценностную ориентацию, то это должно относиться и к практике социологии. У Маркса есть ценностная позиция, основанная на видении людей богатыми в потребностях и дарованиях родовыми существами; Дюркгейм основывает свою работу на ценности солидарности; сам Вебер в этом отношении не столь ясен, но через все его труды проходит сквозной нитью могущественная приверженность человеческому разуму и свободе. Таким образом, разные ценностные позиции рожают разные исследовательские программы, каждая из которых развивает свой тип социологии. Так, гений Дюркгейма кроется в том, как его озабоченность солидарностью приводит его к переистолкованию само собой разумеющегося и показу того, что разделение труда становится источником солидарности (а не конфликта), что религия является продуктом общества (а не Бога), что самоубийство может быть понято как продукт социальных сил (а не индивидуального расстройств). Разные исследовательские программы предполагают принципиально разные способы видения мира.

Для Вебера множественные ценности – не историческая случайность. Мы живем в расколдованном мире с множеством вер. Современность, по определению, «политеистична». Это мир неподатливых и непримиримых ценностей, заключающий в себе то, что Вебер назвал войной богов. Если ценности лежат в основании наших исследовательских программ (или, как называет это Имре Лакатос, негативной эвристики), то не может быть единой всеобщей социологии, если только, конечно, она не приходит на штыках или из пропагандистской машины, как в случае марксизма-ленинизма.

Национальная основа глобальной социологии

Если нет единой универсальной социологии, то что тогда мы могли бы иметь в виду под глобальной социологией? Согласно Штомпке, исходя из его контовских наклонностей, социология уже полностью глобализирована. Но что же собой представляет эта глобализированная социология? Он называет теорию стигматизации Эрвинга Гофмана как релевантную для «остатков кастовой системы в Индии». Неужели? Книга Гофмана о стигме и в самом деле преподносит его драматургический анализ в качестве универсального, уже хотя бы благодаря игнорированию исторического контекста, в частности динамики систем стратификации. Возвращая заявляемую универсальность в ее контекст, Алвин Гоулднер утверждает, что «Стигма», как и другие работы Гофмана, отражает особенности средне-классового общества США. Ее релевантность для индийских сел спорна. Ее определенно нельзя принимать на веру; она еще нуждается в доказательствах.

Второй пример Штомпки – книга о глобальном потеплении Энтони Гидденса (Giddens, 2009). Но много ли Гидденс знает о воздействиях глобального потепления на Бангладеш или Сейшельские острова (примеры Штомпки)? В «Политике изменения климата» всего пять страниц посвящено последствиям глобального потепления для развивающихся стран. Гидденс – действительно интересный случай. Его глобальная социология делается космополитическим интеллектуалом, снующим из одной страны в другую, но ни одну из них не изучающим глубоко. Даже сегодня, с нашим повышенным национальным и глобальным сознанием, многое в социологии США хотя и пишется без всяких географических референций, пишется в действительности о США; это частное, выдаваемое за универсальное. Открыть, что в этом частном и в самом деле универсально, что может быть универсальным у Гофмана или Гидденса, – это и есть проект глобальной социологии, заключающей в себе трудные и кропотливые исследования.

Позитивистские привязанности Штомпки не только скрывают частное и особое в мнимом универсальном; они еще и приводят его к отбрасыванию всех частных и особых, т.е.

специфически национальных социологий. Вместо того чтобы сделать обзор 43 кейс-стади национальных социологий, он выдвигает собственную воображаемую контовскую социологию королевства Лаилонии. Давайте же сравним пять выделяемых им значений воображаемой лаилонской социологии с реальными национальными социологиями, разбираемыми в книге «Сталкиваясь с неравным миром».

«Первое значение тривиально: социология в Лаилонии, изучаемая и развиваемая в тамошних университетах и исследовательских учреждениях. Это любимая тема скучных “отчетов о трендах”. На этом институциональном и организационном уровне нет большого числа национальных характеристик, ибо благодаря глобализации структуры академических центров по всему миру очень схожи».

Спустимся из позитивистского королевства Штомпки на планету Земля и выясним, что он мог узнать из книги «Сталкиваясь с неравным миром».

Во-первых, развитие социологии в разных странах происходит очень по-разному. Из 192 государств – членов ООН только 55 имеют национальные социологические ассоциации, являющиеся членами МСА. Лишь в немногих из остальных есть активные национальные ассоциации, и это указывает на то, что социология там слабая либо ее вообще нет. Многие страны Африки, Латинской Америки, Азии лишены такой роскоши, как наличие факультетов социологии в их университетах, а в некоторых нет даже и такой роскоши, как университеты. В других случаях социология существует лишь под зонтиком других факультетов. Социология определенно не глобализована.

Развитые капиталистические страны обладают развитой социологией, однако она в них оказывается организованной очень по-разному. В каких-то странах национальная организация очень сильна (например, в США), в других (например, во Франции) существование национальной организации удивительно ненадежно. В каждой стране национальные традиции находят отражение не только в содержании дисциплины, но также в ее внутренних расколах, ее институциональном устройстве, ее ранговой структуре и т.д. Участвуя в Болонском процессе в сфере высшего образования, Испания с ее феодальным порядком выглядит совершенно иначе, чем Италия с ее глубоко политизированным полем, а последняя, в свою очередь, сильно отличается от более гомогенизированного и централизованного участника – Британии. Глубина проникновения социологии в общество тоже разнится, завися не только от продолжительности ее существования, но и, например, от серьезности, с которой ее преподают в средней школе. Во Франции социология пользуется публичным признанием, отчасти потому что входит в программу средней школы, в то время как в США ее часто путают с социальной работой или социализмом. Момент зарождения социологии и его контекст тоже придают форму ее траектории. Так, в Португалии социология достигла зрелости с революцией 1974 г. и с тех пор поддерживала публичное присутствие. В Турции интерес к социологии оживился в связи с усилением общественных дебатов о национальной идентичности. Япония представляет нашему взору самую двусмысленную из социологий, много заимствующую из США и Германии, но обособляющую себя от всего мира. Эти схождения и расхождения подтверждают то, чего побуждают нас ожидать современные социологические теории – институционального изоморфизма, зависимости от пути, популяционной экологии, ресурсной зависимости, нового класса, – а именно: паттернированной изменчивости в национальных социологических полях.

Переходя к странам Глобального Юга, приходится признать гегемонию северных социологий, поддерживаемую деньгами на исследования, всякого рода грантами, определением учебных программ и учебников, контролем над журналами и т.д. Но даже так варибельность очень велика и зависит от исторических наследий, а также проникновения рынка и государственного регулирования. Латинская Америка представляет особенно энергичное поле социологии, вскормленное отчасти сотрудничеством в период диктатур и общностью языка. Бразилия доминирует над регионом с централизованной и концентрированной социологией, что

очень отличается от фрагментации, которую мы находим в Мексике. Африка гораздо менее расположена к социологии. Колониализм и недоразвитие наложили здесь свой отпечаток, и в значительной части континента университетская система разрушилась. Тем не менее есть яркие островки – например, Южная Африка с ее уникальной социологией, сформировавшейся в условиях апартеида, часто в тесной связи с борьбой против апартеида. Как Бразилия доминирует в Латинской Америке, так Южная Африка – в Африке. Изучение отношений между социологиями Севера и Юга или связей между социологиями внутри регионов опирается на социологию доминирования и вносит в нее вклад, проясняя, как одни поля доминируют над другими, которые сами являются местами доминирования, и как сами доминирующие формируются своим доминированием.

Доминирование – не единственный действующий здесь фактор. Индия и Китай схожи в том, что каждая из этих стран доминирует в своем регионе. Однако у них разные наследия. Британский колониализм и его социальная антропология душили развитие индийской социологии, в то время как Мао уничтожил социологию в Китае и она была впоследствии заново изобретена в период реформ, оказавшись под сильным влиянием социологии США. С другой стороны, в Китае до сих пор сохраняется сложная бифуркация между университетами и академией наук, сообща поддерживающими одну из самых динамичных социологий. В России попытка разрушить советское наследие приняла форму приватизации высшего образования, и это увенчалось тем, что социология стала орудием в руках бизнеса, политиков и даже Русской православной церкви; это очень фрагментированное поле с очень немногими оазисами автономии. Несмотря на советское доминирование, польским и, в меньшей степени, венгерским социологам удалось сохранить собственные традиции; гораздо труднее это было сделать в таких странах, как Армения и Азербайджан, в которых не было досоветской социологии. Здесь мы видим, как исторические наследия могут пережить паттерны доминирования.

Даже там, где присутствуют силы глобального характера, они всегда перерабатываются в национальном и локальном ключе, что приводит к очень разнообразным последствиям. Так, парные силы, давящие по всему миру на университеты – маркетизация и государственное регулирование, – разными способами сочетаются, вызывая разные последствия. В Египте социология колебалась между коммодификацией и криминализацией, а на Филиппинах страдает от безудержного умножения регулирующих правил. На арабском Ближнем Востоке исход академических работников в «мозговые центры» и НКО ослабил университеты, усилив поляризацию привилегированной элиты, связанной с международными кругами, и тех, кто укоренен в локальном. Скандинавская социология тоже теряет свою автономию, по мере того как вне университетов развивается знание в «режиме 2», подотчетное миру принятия политических решений, а государство изобретает новые формы аудита университетов²⁶. Иранская социология сталкивается с совсем другой дилеммой, захваченная в капкан, с одной стороны, исламским государством, нацеленным на регулирование ее содержания, а с другой – реактивным соблазном овладеть западными социологиями. Израильская социология, в свою очередь, по крайней мере в ее передовых университетах, не колеблясь видит себя ответвлением социологии США. Здесь социология социологии показывает, что глобализация – не бульдозер, сметающий на своем пути, и что она вызывает разные реакции, тем самым углубляя национальные различия. Отсюда растущая значимость национальных социологий.

Забавно, что аллергия Штомки на идею национальной социологии не позволяет ему увидеть, как изучение этих национальных социологий может вносить, крупица за крупицей, вклад в более универсальную социологию. Другими словами, универсальная социология не может

---

²⁶ Понятие знания, производимого в «режиме 2», введено Майклом Гиббонсом и др. (The new production of knowledge, 1994) и обозначает знание контекстное, проблемно-сфокусированное и междисциплинарное, в противоположность знанию в «режиме 1», которое является академическим, основанным на дисциплине и направляемым со стороны исследователя.

быть провозглашена философским декретом, но требует усердного труда в виде тщательных и постоянных исследований, охватывающих социологии разных частей мира.

Второй смысл национальной социологии у Штомпки – это социология, которая пишется и публикуется *на лаилонском языке*:

«Но, разумеется, если дело лишь в языке, то тут нет ничего индигенного. Если перевести ее на другие языки, то это будет та же самая социология. Здесь мы сталкиваемся с псевдопроблемой “империализма” английского языка... Чем быстрее социологи из Лаилонии пишут и публикуются на английском, тем лучше для них и тем лучше для социологии».

Язык может быть псевдопроблемой для Штомпки, но представляет собой реальную проблему для тех, кто хотел бы представить свою работу международным аудиториям. Проблема здесь состоит не только в неравном владении английским языком, но также в потенциальной утрате языкового богатства изучаемых сообществ. Здесь позитивизм Штомпки вновь отлучает социологию от общества, которое она изучает и в котором участвует. Если социологи проводят свое время в разговорах с социологами из других стран на английском языке, то их местные проблемы могут потеряться, их местные аудитории – исчезнуть, а сама социология – стать еще более разжиженной. Такая социология испускает, конечно, дух универсальности, но становится все более истонченной, все более самореферентной и все менее глобальной.

Третье значение национальной социологии – социология *лаилонцев*, туземцев этого королевства. Здесь Штомпка еще раз говорит о глобализации, позволяющей социологам ездить из страны в страну, но забывает при этом, что для большинства социологов это невозможно. Здесь он переходит к вопросу «инсайдеризма», говоря, что Роберт Мертон «убедительно отверг» эту позицию. На самом деле в своей классической работе об инсайдеризме – а это замечательный очерк по социологии социологии – Мертон признает важность инсайдерской перспективы, завершая ее обсуждение следующими словами: «Инсайдеры и Аутсайдеры, соединяйтесь! Вам нечего терять, кроме своих претензий. Приобрести же вы можете мир понимания»²⁷. Признав, что для инсайдеров, как и для аутсайдеров, есть своя роль, Мертон был уже далек от элитизма контовского позитивизма.

Но быть может, призыв Мертона к солидарности преждевременен. Прежде чем объединяться, инсайдерам и аутсайдерам, возможно, лучше было бы вступить в диалог, чтобы лучше понять социальную детерминацию их разных перспектив, а также следствия, вытекающие из этих перспектив в свете того, что они втягиваются друг с другом в общее силовое поле. Этот момент хорошо иллюстрируется тонким описанием тайваньской социологии у М. Чанга, И. Чанга и Ч. Танга. Тайваньская социология начиналась с социальных обследований, служивших орудием для японских колониальных властей. После рождения коммунистического Китая (КНР) многие националисты бежали на Тайвань, где создали под руководством Гоминьдана Китайскую Республику. В этот период тайваньская социология была китаизирована, и это отражало попытку Гоминьдана представлять подлинный Китай. Когда в 1971 г. признание Тайваня со стороны ООН было аннулировано, эта идея Тайваня как подлинного Китая отошла на второй план и возник радикальный тайваньский национализм, усугубленный страхом перед материковой частью Китая. Социология развернулась в индигенном направлении, как претензия против КНР, а также против растущей зависимости от Соединенных Штатов. За последние 30 лет движение индигенизации было преодолено. Возникло множество разнообразных институтов внутри и вне университетов, которые сталкиваются с давлениями к получению продвинутых степеней в США и к публикации в высокоранжируемых журналах, но они никогда не бросают заниматься местными проблемами. Даже на этом маленьком острове в социологии развились центр и периферия: первый более космополитичен, вторая – более локальна. Это

---

²⁷ Merton R. The perspectives of insiders and outsiders // Merton R. The sociology of science. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1973. – P. 99–136. – 1st ed. 1972.

пример того, что социология есть функция геополитических сил, что различие «инсайдер – аутсайдер» неадекватно и что международная социология заключает в себе гнездовые и связанные друг с другом поля борьбы.

Четвертое значение – социология *о Лаилонии*. «Выскажу тривиальное замечание, что большинство социологов черпают личный опыт и эмпирические свидетельства в своей стране. Но если они остаются социологами о Лаилонии, и только, то они уже не социологи». Если бы мы согласились с этим аргументом, то почти вся социология США не была бы социологией, а почти вся социология с Глобального Юга – была, поскольку асимметричное распределение ресурсов означает, что социологам с Юга приходится принимать Север в расчет, тогда как обратное неверно. На самом деле я бы пошел дальше и утверждал бы, что южная социология благодаря своему подчиненному статусу понимает глобальное общество лучше, чем северная, не сознающая своего доминирования. Штомпка в этом отношении типичен: он видит северную социологию как единственно подлинную социологию, а остальной мир – как ее придаток, призванный поставлять данные для «проверки, фальсификации или расширения» северной теории.

Пятое значение – социология *с лаилонской повесткой дня*. Штомпка признает, что разные страны могут сталкиваться с разными проблемами, но настаивает на обработке их с помощью «стандартного инструментария» социологии и на развитии универсальных теорий. Опять же он настаивает на универсальности теории, приводя в качестве довода аналогию с тем, что мы были бы в реальном замешательстве, если бы врачи имели разные теории в разных больницах. Конечно, как хорошо известно социологам медицины, врачи в разных странах *действительно* имеют разные теории относительно рака, множественного склероза Альцгеймера и т.д. Более того, как я предположил выше, медицина – неудачная аналогия для социологии, где не может быть единого корпуса теории, но могут быть лишь множественные традиции, или исследовательские программы, внутри стран Севера, а также между Севером и Югом.

Короче говоря, кейс-стади демонстрируют множество национальных социологий внутри все более взаимосвязанного мира. Пока Штомпка глядит на мир из контовской страны Лаилонии, его взгляд ограничен, но когда он возвращается в родную Польшу, он восстанавливает свою социологическую прозорливость. Так, в докладе, прочитанном в АСА в 2004 г., Штомпка (Sztompka, 2005) перечисляет 20 причин, по которым он и его соотечественники-поляки восхищаются Америкой и одобряют ее глобальную гегемонию. «Америка» – бастион антикоммунизма, образец демократии, страна возможностей и гарант глобальной безопасности. «Америка» обладает привлекательной системой высшего образования, является меккой консюмеризма и, прежде всего, воплощает «борьбу цивилизации против варварства». Я не могу представить, чтобы с таким докладом выступил кто-нибудь из социологов США. Иначе говоря, за Лаилонией стоит Польша, борющаяся против своего коммунистического прошлого, а за Польшей – «Америка», ее путеводный маяк и спаситель. Возрождение Штомпкой контовского позитивизма – это не то, чем оно кажется, а именно социологией из ниоткуда; оно исходит из совершенно реального места в мировом порядке, и это место называется Польшей²⁸.

---

²⁸ Я не имею намерения стричь всех польских социологов вместе со Штомпкой под одну гребенку. Его восхищение Соединенными Штатами, которое трудно было бы отыскать среди американских социологов, никоим образом не типично для польских социологов. Даже широкое польское общественное мнение о Соединенных Штатах флуктуировало за многие годы. В 1975 г. «американцы» были пятой по популярности национальностью для поляков, в 1985 г. – шестнадцатой, в 1991 г. – первой по популярности, а в 2010 г. – двенадцатой. См. данные Ясиньской-Кани (Jasinska-Kania, 1991) и польского Центра исследования общественного мнения (Attitude to other nations, 2010). Благодарю Александру Ясиньскую-Каню за помощь в выяснении трендов в отношении к Соединенным Штатам в польском общественном мнении.

Идеология и утопия

Учитывая неподатливость национальных социологий, мы видим два пути к глобальной социологии. Первый путь – взять одну или несколько этих глобальных социологий и просто *навязать их в глобальном масштабе как универсальные*, превратив «другие» национальные социологии в придатки, лаборатории для поставки данных. Это проект Штомпки, и он называет его «слабой» программой в глобальной социологии. Второй путь – принять существование национальных социологий и посредством разговора между ними сделать возможным постепенное и осторожное *появление универсального из глобального*. Это был проект книги «Сталкиваясь с неравным миром», и его Штомпка называет «сильной» программой в глобальной социологии. Но Штомпка, приклеивая эти ярлыки, переворачивает их с ног на голову; ибо именно его программа является сильной, т.е. предполагающей навязывание, в то время как программа предварительная и эмерджентная – это слабая программа.

Курьезное перевертывание Штомпкой сильной и слабой программ глобальной социологии и его идентификация с одной из них, а не с другой, возникают из борьбы, происходившей внутри международной социологии в последние полвека. Социологическая революция, которая произошла после Второй мировой войны, началась в Соединенных Штатах с реконструкции европейской социальной мысли, представлявшей модернизацию в качестве естественной и неизбежной телеологии. Оказалось, что эта модернизация является американизацией, сформированной в контексте «холодной войны». Особенно самодовольным нарративом было то, что доминировавшие тогда американские социологи напридумывали о конце идеологии, добродетелях американской либеральной демократии и торжестве американского экономического предпринимательства.

Это и есть та Америка, которой восхищается Штомпка. Это также и та Америка, которая наполняла силой восхождение социологии США – как в национальном, так и в международном плане – внутри МСА в первые послевоенные годы. Социальные движения 1960-х годов – студенческие, антивоенные, за гражданские права – бросили вызов этому мессианству, явив новый портрет Соединенных Штатов как оплота внутреннего расизма и внешнего империализма. Социология в целом, а особенно социология США, становилась гораздо более критической по мере того, как ниспровергались ее простодушные допущения. Соответственно, в МСА центр притяжения начал смещаться: в ней росло количество членов с Глобального Юга, избирались такие президенты, как Фернандо Энрике Кардозо, Т.К. Ооммен и Иммануил Уоллестайн. Социология проникала в новые независимые территории с разными видениями мира, и по мере того как они становились членами МСА гегемония социологии США и Европы все более оспаривалась. Создание журнала «International sociology» в 1986 г. ознаменовало явление незападных социологий, не терпящих существующих конвенций и стереотипов. Этот журнал дал приют первому кругу дебатов об альтернативных социологиях. В то же время исследовательские комитеты, которые всегда были и продолжают быть стовым хребтом МСА, уступили площадку национальным ассоциациям, и это привело к учреждению в 2002 г. поста вице-президента по национальным ассоциациям. Отделение национальных ассоциаций в МСА провело свою первую международную конференцию в 2005 г. во Флориде; второй была Тайбэйская конференция 2009 г. Таким образом, предлагаемое Штомпкой позитивистское видение глобальной социологии как единой и универсальной и исключительно западного происхождения многие годы было в осаде.

Итак, обзор Штомпки выдвигает исчезающую позицию в поле борьбы. В арьергардном действии, задуманном с целью защиты «цивилизации от варварства» и продвижения универсализма в противовес всяким формам партикуляризма, в особенности тем кейс-стади национальных социологий, которые содержатся в трехтомнике, он атакует их попеременно и без

разбору то как идеологию, то как утопию, как если бы они были эквиваленты. Он забывает, что Карл Манхейм определяет их как противоположности: если идеология – это консервативное мировоззрение, пытающееся сохранить *status quo* или вернуться к *status quo ante*, то утопия стремится утвердить новый мир будущего.

В обсуждаемом обзоре Штомпка выступает как идеолог, пытающийся восстановить фиктивное прошлое посредством навязывания глобальному универсальному. Он не учитывает эмпирическую реальность и прибегает к фантазийным заявлениям в защиту давным-давно исчезнувшего иллюзорного мира. Рождение универсального из глобального, в свою очередь, является утопией – и здесь я со Штомпкой соглашусь, – видением, которое не может быть полностью реализовано до тех пор, пока мы сталкиваемся с неравным миром, обладающим неравной социологией, и это положение дел вряд ли исчезнет в обозримом будущем.

Позвольте мне прояснить основания и значимость этой утопии. Если исходить из того, что не бывает социологии из ниоткуда (это позитивистская иллюзия), то что должно быть опорной точкой социологии? Моя позиция на этот счет такова, что социология родилась во второй половине XIX в. вместе с гражданским обществом, вместе с ростом профсоюзов, политических партий, добровольных организаций, школ, газет, а все они появились в Европе в ответ на деструктивность рынка. Как экономическая наука принимает точку зрения экономики и экспансии рынка, а политика – точку зрения государства и политического порядка, так социология принимает позицию гражданского общества и защиты коммуникативного действия. Конечно, академические дисциплины – это комплексные поля соперничества с доминирующими и подчиненными группами, но эти определяющие принципы задают повестку дня для дебатов. Это не означает, что социология изучает лишь гражданское общество; она изучает также экономику, государство и т.д., но с *позиции* гражданского общества. XIX век был лишь первой волной маркетизации, вызвавшей рождение гражданского общества; вторая волна в начале XX в. принесла реакцию со стороны государства (социал-демократию, фашизм, сталинизм, Новый курс); теперь нас накрывает третья волна маркетизации, которая находится вне контроля со стороны национальных государств, и противостоять ей может только глобальное гражданское общество. Именно поэтому так важна глобальная социология, выстраиваемая снизу. Но из чего мы можем выработать такую глобальную социологию? Разумеется, есть зачаточные транснациональные группировки, движения, сети, но мы просто не можем отбросить в сторону национальное государство, которое до сих пор во многом фреймирует наши жизни и особенно наши социологии.

Проблемы, с которыми мы сталкиваемся в нашу эпоху третьей волны маркетизации, коренятся в сговоре рынков и государств: государства содействуют рынкам, а рынки содействуют государствам, и это ведет к таким угрозам человечеству, как разрушение окружающей среды, эндемические финансовые кризисы и безудержная коммодификация всего и вся. Так, Тайбэйская конференция началась с обращения тайваньского нобелевского лауреата Юань Ли об опасностях глобального потепления. Как химик он смог определить проблему и даже обрисовать в общих контурах ее решение, и он призвал ученых мира объединиться вокруг его проекта. Как и другие подобные обращения, его обращение было наивным, поскольку эффекты глобального потепления очень неравномерны, как и предлагаемые решения. Как социологам, нам известно, что мы заброшены в мир с очень разными интересами и что любая попытка объединения представляет собой сложный, неустойчивый и трудный процесс переговоров и разговоров. Реалистическая оценка возможного зависит от социологии социологии, социологии научного сообщества и социологии глобального гражданского общества, которая принимает в расчет государства и рынки. Поскольку наш научный анализ приносит так много плохих новостей, тем более важно использовать нашу науку для того, чтобы держаться утопических возможностей. Как настаивал Макс Вебер, только страстно стремясь к невозможному, мы можем достичь возможного.

Литература

1. Attitude to other nations // Polish public opinion. – Warsaw, 2010. – N 1. – Mode of access: http://www.cbos.pl/PL/publikacje/public_opinion/2010/01_2010.pdf
2. Bourdieu P. The rules of art. – Stanford: Stanford univ. press, 1996. – XX, 408 p. – 1st ed. 1992.
3. Chang Mau-kuei, Chang Ying-hwa, Tang Chi-chieh. Indigenization, institutionalization and internationalization: Tracing the paths of the development of sociology in Taiwan // Facing an unequal world: Challenges for a global sociology / Ed. by M. Burawoy, Mau-kuei Chang, M. Fei-yu Hsieh. – Taipei: Institute of sociology: Academia Sinica: Council of national associations: International sociological association, 2010. – P. 158–191.
4. Connell R. Southern theory. – Crows Nest: Allen & Unwin, 2007. – 272 p.
5. Giddens A. The politics of climate change. – Cambridge: Polity, 2009. – VIII, 264 p.
6. Jasinska-Kania A. The systematic transformation and changes in Poles' attitudes towards various nations and states // The Polish sociological bull. – Warsaw, 1991. – Vol. 4, N 96. – P. 299–312.
7. Merton R. The perspectives of insiders and outsiders // Merton R. The sociology of science. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1973. – P. 99–136. – 1st ed. 1972.
8. Sztompka P. American hegemony looks different from Eastern Europe // Contexts. – Wash., 2005. – Vol. 4, N 2. – P. 31–33.
9. The new production of knowledge: The dynamics of science and research in contemporary society / Gibbons M., Limoges C., Nowotny H., Schwartzman S., Scott P., Trow M. – L.: Sage, 1994. – IX, 179 p.
10. Weber M. The methodology of the social sciences / Trans. and ed. by E. Shils, H. Finch with a new introduction by R. Antonio, A. Sica. – Piscataway (NJ): Transaction, 2010. – XLVI, 210 s. – 1st ed. 1949.

Пер. с англ. В.Г. Николаева

Десять тезисов о статусе социологии в неравном мире (Перевод с англ.)²⁹

П. Штомпка

Около десяти лет назад на Всемирном социологическом конгрессе в Брисбене я завоевал пост президента МСА, выступив с очень «политически некорректным» лозунгом «Мастерство, а не баланс». Теперь этот лозунг снова кажется уместным, особенно после Конгресса в Гётеборге и полной победы Майкла Буравого, вновь вдохнувшего в МСА революционный пыл: требование некой «альтернативы», «корневых» социологий в противовес подавляющему характеру западных методов и теорий и «империализму» английского языка. Мы представили свои противоположные точки зрения на страницах журнала «Contemporary sociology» (июль 2011 г., с. 388–404)³⁰, но поскольку это привело в фундаментально непониманию моей позиции и принесло мне такие незаслуженные ярлыки, как «последний позитивист» и «слепой поклон-

²⁹ Sztompka P. Ten theses on the status of sociology in an unequal world // Global dialogue. – Madrid, 2011. – Vol. 2, N 2. – Mode of access.: <http://www.isa-sociology.org/global-dialogue/2011/11/ten-theses-on-the-status-of-sociology-in-an-unequal-world/>

³⁰ Sztompka P. Another sociological utopia // Contemporary sociology. – L., 2011. – Vol. 40, N 4. – P. 388–396; Burawoy M. The last positivist // Contemporary sociology. – L., 2011. – Vol. 40, N 4. – P. 396–404.

ник Соединенных Штатов», то я хочу еще раз изложить свою позицию и сделать это как можно короче и точнее, в десяти пунктах. Майкл любезно принял этот текст для публикации в «Global dialogue», за что ему спасибо.

Во-первых, *не надо делать эпистемологических выводов из текущего положения дел в мире или из конкретных различий в институциональном статусе нашей дисциплины в различных частях земного шара*. Большинство социологов, включая меня, в силу своей профессиональной восприимчивости остро сознают несправедливые неравенства между нынешними обществами и внутри них, в том числе разные возможности для исследований. Но это не означает, что должны быть разные социологии для привилегированных и непривилегированных. Хорошая социология одинаково способна понять и богатство и бедность.

Во-вторых, если перевернуть одно известное высказывание, *если вы реально хотите изменить неравный мир, то первым делом надо его понять*. И опять-таки большинство социологов, включая меня, ориентированы на реформу, но наши активистские устремления не могут быть осуществлены путем морализаторства, проповедей и идеологических манифестов, а только путем открытия механизмов и закономерностей социальной жизни, в том числе тех, которые создают и питают неравенства и несправедливости. Карл Маркс провел большую часть своей жизни в библиотеке, а не на баррикадах, и гигантом социальной науки он стал не благодаря «Коммунистическому манифесту», а благодаря «Капиталу».

В-третьих, *существует одна социология для многих социальных миров*³¹. Механизмы и закономерности социальной жизни универсальны для всего человеческого рода, хотя, конечно, они проявляются по-разному в разных цивилизациях, культурах, обществах или сегментах обществ. Между тем даже последние постепенно становятся более единообразными в силу глобализации, если только не брать то, что относится к несправедливым неравенствам (Север *versus* Юг; ядро *versus* периферия; расовые, гендерные и классовые подразделения внутри обществ), и религиозные фундаментализмы (верующие *versus* неверующие).

В-четвертых, *стандарты социологического исследования и хорошей теории универсальны*; они включены в кумулятивно развивающийся багаж методов и плюралистический архив социологических теорий. Ни к какому «позитивизму» это отношения не имеет, ибо качественные методологии, как и господствующие сегодня интерпретативные теории, сознавая специфику своего социального предметного содержания, требуют также универсальных стандартов, пусть даже и отличающихся от стандартов «позитивистской» социологии, пытающейся имитировать естественные науки.

В-пятых, *греховное происхождение не дисквалифицирует результат*. Тот исторический факт, что создание стандартного набора инструментов и плюралистического архива теорий инициировали бородастые старцы, по большей части евреи, жившие в Германии, Франции и Британии, и что далее они развивались в основном в Западной Европе и в США, ничего не говорит об их внутреннем качестве. Последнее всегда подвергалось и должно впредь подвергаться скептической проверке, исправлению и улучшению. Отказ от этой методологической и теоретической традиции – признак обскурантизма. Вместо этого я бы рекомендовал вместе с Ньютоном и Мертоном «стоять на плечах гигантов».

В-шестых, *тщетная попытка создать «альтернативные» или «корневые» социологии разрушительна для дисциплины*. Наука, в том числе социальная наука, не знает границ. Она развивается как общий фонд знания, вклад в который вносят все национальные, континентальные, региональные и даже локальные социологии, и вклад этот более чем приветствуется. У этих социологий могут быть уникальные возможности исследования, уникальные исследовательские повестки дня, особые проблемные акценты и ориентации, но никаких альтернатив-

---

³¹ См. мою статью: *Sztompka P. One sociology or many? // The ISA handbook of diverse sociological traditions / Ed. by S. Patel. – L.: Sage, 2010. – P. 21–28.*

ных методологий или «индигенных» теорий им не требуется. Вместо отстаивания необходимости «индигенных» социологий я бы посоветовал: просто делайте социологию. В незападном мире делается очень много важной социологической работы. Но обычно она базируется на стандартных методологиях и вносит вклад в универсальный фонд теорий. И в ней нет ничего альтернативного или «индигенного»; это просто хорошая социология.

В-седьмых, *требование развития национальных социологий не имеет особого смысла в нашем сегодняшнем глобализирующемся и все более и более космополитическом мире*. То, что страны, или национальные государства, различаются, не означает, что их социологии являются или должны быть разными. Единственный смысл «национального» в этой области касается некоторых сохраняющихся институциональных различий, наличия разных отцов-основателей, разных фокусировок исследований. Но результаты, если они заслуживают того, чтобы именоваться «социологией», а не просто ареальными исследованиями или локальной статистикой, должны быть в достаточной мере абстрактными, чтобы обогащать универсальный фонд социологического знания. Будущее (в том числе МСА) не за национальными социологиями, а за исследовательскими группами или сетями (нынешними исследовательскими комитетами, тематическими группами или рабочими группами).

В-восьмых, тот исторический факт, что в авиасообщении, туризме, компьютерах, Интернете и науке, в том числе социологии, наиболее широко используемым средством коммуникации стал естественный язык, *английский*, а не искусственный, специально изобретенный (скажем, эсперанто), – это *не катастрофа, а великая возможность*. Особенно это касается социологов из ограниченных языковых ареалов (вроде моего), которые ныне имеют в своем распоряжении большую часть универсального социологического наследия (через переводы на английский) и обретают зримость и возможность внести свою лепту в универсальный фонд (через публикации на английском).

В-девятых, *ошибочно думать, что экзистенциальная ситуация исследователя дает эпистемологические преимущества*. Выявление механизмов и закономерностей несправедливостей и неравенств вовсе не было исключительным достижением неудачников или инсайдеров. Многие примеры указывают как раз на противоположное. Прочная легитимность в науке может быть обеспечена единственно качеством результатов, но никак не социальным статусом ученого.

В-десятых, *ценностные суждения и идеологическая предвзятость в социологии неизбежны и даже допустимы на эвристической стадии* отбора проблемы или темы исследования, но не должны присутствовать в конечных результатах и их обосновании. И кроме того, все ценности, как советовал Гуннар Мюрдаль³², должны быть открыто предъявлены для обсуждения. Это я и пытался сказать в своих десяти тезисах.

Пер. с англ. В.Г. Николаева

«Пациент отказался от госпитализации», или в защиту социологии

Н.Е. Покровский

После многих лет, проведенных мной в сфере профессиональной и международной социологии, у меня сложилось явственное чувство, что будущему социологии в сегодняшнем мире угрожает серьезная опасность. Ее судьба сегодня менее ясна, а наши ряды более разрозненны, чем когда-либо раньше. Попытаюсь облечь свои внутренние ощущения и интуиции в

³² Myrdal G. Objectivity in social research. – N.Y.: Pantheon books, 1969.

рациональную форму. «Нуждаемся ли мы на самом деле в защите социологии? От кого? И почему именно сейчас?» Я часто задаю себе эти вопросы как в отношении России, моей родной страны, так и в отношении остального мира. Я терпеть не могу пессимистической тональности, но приходится прибегать к ней. Сегодня, на мой взгляд, существуют как критические внешние риски для социологии, так и угрозы, идущие изнутри нашей профессиональной группы.

Опасность извне

Внешние опасности сводятся к одной основной угрозе. Говоря начистоту, в сегодняшнем мире социология быстро теряет свое влияние и авторитет. Ни властные структуры (прежде всего, государство), ни бизнес, ни население не проявляют особого интереса к тому, что можно назвать «рациональным диагнозом» клинического состояния социального. Вместо этого правят бал различные иррациональные силы. Почти повсюду преобладают старые и новоизобретенные формы религии, социальная мифология, идеология и массовая ослепленность. Эти силы без труда отодвинули в сторону рациональность, даже в социальных науках. В таких условиях сфера рационалистической и научной социологии значительно сужается. А ведь свет разума – это единственное основание, на котором держатся сила и жизнеспособность социологии. Мы, социологи, призваны давать обществам диагноз их состояния. Между тем кажется все более очевидным, что «клиенты», или «пациенты», т.е. наши общества, выбирают отказ от диагноза и госпитализации. Наши общества чувствуют себя довольно комфортно без социологического диагноза, невзирая на то, что состояние «пациента» во многих случаях явно критическое. Иными словами, внешняя опасность для социологии проистекает из отказа общества от рационально и научно обоснованного анализа текущей ситуации. Это и впрямь тот случай, когда «пациент отказался от госпитализации».

Опасность изнутри

Неудивительно, что для социологии существуют и внутренние угрозы, и они связаны с внешними. Поскольку многие социологи и социологические сообщества видят, что их социальная роль и общественная значимость все более падают, то они решили превратить социологию в «социальную силу», своего рода широкое социальное движение за построение лучшего общества. Исходя из этого понимания социологии, вопросы научности и высокой профессиональной образованности оказались отодвинутыми на задний план, а на передний план была вынесена программа социологии как общественного служения и революционного преобразования мира. Социологи до сих пор лишь разными способами объясняли мир, задача же состоит в том, чтобы его изменить. Этот знаменитый лозунг Маркса, слегка перефразированный, стал фактически девизом для тех, кто пытается сегодня изменить мир задолго до того, как мы сумеем его понять и научно объяснить. У таких социологов публичное действие заведомо предшествует знанию. Можем ли мы с этим согласиться? Я не могу. Хотя бы потому, что в нашей стране, России, мы хорошо знаем из истории, начавшейся после 1917 г., что значит радикально перестраивать общество до того, как оно будет проанализировано и понято.

Что нам следует (и чего не следует) делать

Я убежден, что место социолога, пока он носит белый халат ученого, – не на общественных / политических баррикадах. Конечно, социолог может в любое время стать социальным и политическим защитником и протагонистом какой-нибудь общественной цели. Но это немедленно лишает его права представлять науку социологию. От нас не ожидается участие в

лечения общества (как в чем-то отличном от анализа). Есть немало социальных институтов, основной задачей которых является проведение лечения: государство, политическая сфера, общественные организации и движения, пресса, общественное мнение и т.д. Каждый, кто знаком с клиническим процессом, очень хорошо знает, что роль диагноза очень важна и что конечный успех лечения в огромной мере зависит от его точности и правильности. Но диагноз нельзя смешивать с лечением. Они относятся к разным сферам экспертизы. Да, мы можем и должны вносить вклад в изменение мира, отстаивая наши профессиональные научные цели и повышая социологическую культуру и сознательность в наших обществах посредством образования и массмедиа. В этом только и состоит «публичная миссия социологии». В противном случае мы рискуем стать слепыми поводырями слепых.

Таким образом, я целиком и полностью поддерживаю десять тезисов Петра Штомпки в защиту социологии. Наука социология для него, как и для меня, есть прежде всего и в первую очередь научность и профессиональное мастерство. Все остальное намного более спорно.

II. Социальная солидарность как проблема классической и современной социологии

Статьи и обзоры

Многоликая солидарность³³

Д.В. Ефременко

Большинство материалов настоящего раздела «Социологического ежегодника» подготовлено участниками исследовательского проекта «Социальная солидарность как условие общественных трансформаций: Теоретические основания, российская специфика, социобиологические и социально-психологические аспекты». Проект осуществляется при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Обращение нашего исследовательского коллектива к теме социальной солидарности было далеко не случайным. С момента становления социологии как самостоятельной обществоведческой дисциплины тематика солидарности имела серьезные основания претендовать на статус одного из главных направлений социологических исследований: достаточно вспомнить, какое внимание солидарности уделял один из отцов-основателей профессиональной социологии Эмиль Дюркгейм. Ведь именно солидарность в конечном счете делает общество обществом. Она же выступает необходимым условием любых социальных изменений, и в этом смысле вопрос о природе, характере, состоянии солидарностей является одним из коренных вопросов социального развития.

Несмотря на первоначальный импульс, приданный исследованиям солидарности Дюркгеймом и его последователями, в дальнейшем в мировой социологии на передний план снова выдвинулись сюжеты, связанные с социальными конфликтами. Соответственно, тема солидарности постепенно стала смещаться на периферию социологических исследований. Разумеется, эта маргинализация не была абсолютной. Например, для Питирима Сорокина проблема солидарности оставалась одним из важных направлений его научной деятельности. В рамках сорокинских интегрализма солидарность предстает как позитивный модус взаимоотношений индивидов, предполагающий созвучность установок и поведения взаимодействующих участников, когда они взаимно помогают друг другу в достижении своих целей. По сути дела, у Сорокина речь идет об интенсивных взаимодействиях семейного типа, которые, однако, могут обнаруживать себя в самых разных социальных группах³⁴. Антитезой солидарности в этом случае становятся «антагонистическое взаимодействие» и «принудительные социальные связи». Социологический анализ причин солидарности и антагонизма, будучи спроецирован на макроуровень социальных взаимодействий, может, согласно Сорокину, внести существенный вклад в устранение войн, преодоление преступности, различных форм угнетения и неравенства³⁵.

---

³³ Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта «Социальная солидарность как условие общественных трансформаций: Теоретические основания, российская специфика, социобиологические и социально-психологические аспекты», осуществляемого при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект 11-06-00347 а).

³⁴ Sorokin P.A. Social and cultural dynamics. – N.Y.: American book co., 1937. – Vol. 3. – P. 81–121.

³⁵ Sorokin P.A. Society, culture and personality: Their structure and dynamics: A system of general sociology. – N.Y.: Harper & bros, 1947. – P. 119.

Проблематике солидарности уделял внимание и Толкотт Парсонс, который видел в ней как, и в социальной системе вообще, феномен объективированного характера, но в то же время рассматривал солидарность как предельно динамичный процесс, выступающий важнейшим условием стабильности и воспроизводства социальной системы. Однако в целом в социологии второй половины XX – начала XXI в. социальная солидарность рассматривалась преимущественно в специализированных аспектах, и основное внимание исследователей было сфокусировано на отношениях солидарности внутри отдельных групп. Более того, в современной социальной теории прослеживается тенденция едва ли не к полному исключению солидарности из социологического дискурса³⁶.

Лишь в последнее время начали предприниматься попытки вернуться к более комплексному рассмотрению феномена социальной солидарности. Например, под эгидой Американской социологической ассоциации в августе 2011 г. был сформирован новый исследовательский комитет по изучению социальной солидарности, морали и альтруизма³⁷; в рамках Международной социологической ассоциации такой комитет до сих пор отсутствует.

В России тема солидарности стала одной из основных для социальных наук начиная со второй половины XIX столетия. Причем здесь обозначились два направления – собственно социологическое и религиозно-философское (т.е. рассмотрение солидарности как соборности). Важнейший вклад в исследования солидарности внесли М.А. Бакунин, П.Л. Лавров, Л.И. Мечников, П.А. Кропоткин, Н.К. Михайловский, М.М. Ковалевский, П.А. Сорокин и др. Эта мощная, получившая признание за рубежом научная традиция была прервана Октябрьской революцией; свое оригинальное продолжение она получила в российской эмиграции благодаря трудам С.А. Левицкого и других солидаристов.

В Советском Союзе по понятным причинам тема солидарности была идеологически нагруженной: преимущественное внимание уделялось классовой солидарности в рамках идеологии, сфокусированной на классовом конфликте. Лишь начиная с 1960-х годов в процессе становления советской профессиональной социологии начали предприниматься попытки рассмотрения социальной солидарности без жесткой привязки к доминировавшим идеологическим установкам. С одной стороны, ситуация в последние два десятилетия характеризуется общей активизацией социологических исследований, но, с другой стороны, сама направленность этих исследований свидетельствует о догоняющем развитии (по сравнению с мировым уровнем) и о стремлении большинства социологов реагировать на динамичные процессы социальных трансформаций в России. Кроме того, внимание отечественных социологов по сей день в большей степени привлекает проблематика конфликта, тогда как солидарность – то, что обеспечивает стабильность социальной системы и в то же время является ресурсом ее обновления, – остается как бы в тени.

Осознание неудовлетворительного положения в области исследований солидарности было одним из побудительных мотивов для начала работы по исследовательскому проекту, промежуточные результаты которой представлены в данном разделе. Мы стремимся к интеграции нескольких исследовательских перспектив, начиная от социобиологии и социальной психологии и заканчивая анализом солидарностей в кризисном социуме. Последнее по понятным причинам особенно актуально в условиях современного российского общества. Феномен социальной солидарности может быть рассмотрен комплексно в контексте глубоких общественных изменений, происходящих в последние два десятилетия в России. В ситуации кризиса или социальной травмы (П. Штомпка) наиболее ярко проявляется регулятивная функция отношений солидарности. Одновременно при таких условиях раскрывается фундаментальное противоречие, связанное с широко распространенным преобладанием узкогрупповых солидарно-

---

³⁶ См. статью Дж. Александера в настоящем разделе «Социологического ежегодника».

³⁷ См. подробнее статью А.Б. Гофмана в данном разделе «Социологического ежегодника».

стей над солидарностями более широкими. Фактически речь идет о том, что узко-групповая, партикулярная солидарность часто оборачивается недоверием и антагонизмом между различными социальными группами.

Вместе с тем социальный кризис способствует изменению самих механизмов социальной солидарности, а также соотношения между групповой, локальной, этнической, гражданской и другими видами солидарности. Кроме того, синергия социальных трансформаций и процессов развития глобального информационного общества приводит к появлению новых типов солидарности, в том числе солидарности внутри виртуальных сообществ. Идентификация обновленных механизмов социальной солидарности на этапе преодоления кризиса и стабилизации социального порядка позволяет сделать выводы как о степени устойчивости последнего, так и о способности гражданского общества выступать ареной согласования разнонаправленных интересов или, в терминах Дж. Александера, формирования «универсализированной социальной солидарности»³⁸.

Как представляется, решение перечисленных исследовательских задач должно быть приоритетным для тех социологов, чьи научные интересы сфокусированы на социальной солидарности и механизмах сплочения современного российского общества. Участники нашего проекта рассчитывают внести свой вклад в развитие данного направления социологических исследований.

Вожаки в группах животных и человека³⁹

Л.М. Баскин

Введение

Сопоставление социального поведения животных и человека – это обычная, повседневная практика в человеческом обществе. Очевидно, такое сопоставление в чем-то полезно людям, каким-то образом помогает им оценить собственное поведение и события в окружающем их обществе. Обратное суждение, когда «очеловечивают» поведение животных, пытаются объяснить их поведение исходя из поведения человека, также обычно – в биологии это называют антропоморфизмом.

В группах животных и человека почти всегда имеются особи, на поведение которых обращают внимание соседи, от которых часто зависит поведение остальных членов группы. Таким образом, речь идет о социумах животных одного вида, о коммуникации и сигнализации между животными одной группы, об унификации поведения животных одной группы, повторяющих поведение одного из них. Таких животных или людей часто называют вожаками, руководителями. В англоязычной литературе принят термин «leader». Вожаки во многом определяют социальное поведение групп животных и человека. От поведения вожаков часто зависит выживание групп. Именно к вожакам относятся многие примеры альтруизма, т.е. поведения, полезного для группы, в которой находится вожак, но нередко вредного для самого вожака. Поведение вожаков относится к области наиболее сложных форм поведения животных.

Наблюдения за большими массами животных выявило два типа передачи сигнала. Испуг или иное отличное от соседей поведение может быть замечено ближайшими соседями и передаваться от них далее по стаду. Тут уместно сравнить передачу сигнала по стаду с толчком от

---

³⁸ Alexander J. The civil sphere. – Oxford; N.Y.: Oxford univ. press, 2006. – P. 44.

³⁹ Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта «Социальная солидарность как условие общественных трансформаций: Теоретические основания, российская специфика, социобиологические и социально-психологические аспекты», поддержанного Российским фондом фундаментальных исследований (проект 11-06-00347 а).

локомотива, передающимся от вагона к вагону. Сигнал этот может постепенно затухать, если поднявшие голову животные в свою очередь не обнаруживают ничего подозрительного. Но возможна и ситуация, когда опасность реальна, и тогда возбуждение охватит все стадо. Другая ситуация – сигнал от одного животного воспринят сразу (или почти сразу) всеми. Почти мгновенно возникающее возбуждение ведет к столь же быстрой общей реакции. В зависимости от вида животных происходит их скучивание (концентрация) как у северных оленей (*Rangifer tarandus*) или, наоборот, разбегание в стороны (например, у косуль *Capreolus sp.*). Различия в реакции часто можно связать с условиями, в которых вид преимущественно встречается: на открытых местах (в тундре, степи) или в лесу, в кустарниках.

Человеческая масса нередко ведет себя так же, как стадо животных или стая рыб. Подобные состояния наблюдаются при крайнем возбуждении людей (например, при массовых волнениях) и крайнем испуге (например, поведение масс солдат, охваченных паникой). Исторические отчеты о массовых паниках часто читаются как описания «стада», ищущего защиту и убежище. Вот описание одной из таких паник, относящееся к периоду Первой мировой войны: «С испуганными лицами и в полном молчании это стадо мужчин мчится прочь, бросая оружие и вещевые мешки, чтобы облегчить бегство, становящееся всеобщим. Паника так иррациональна, что перепуганные солдаты, случается, бегут прямо к врагу. В общем, вместо поиска безопасности и защиты, которые люди безрассудно ищут, это бегущее стадо в момент бегства полностью уязвимо для уничтожения вражескими отрядами»⁴⁰

---

⁴⁰ Цит. по: *Bendersky J. W.* Panic: The impact of Le Bon's crowds psychology on U.S. military thought // *J. of the history of the behavioral sciences.* – Malden (MA), 2007. – Vol. 43, N 3. – P. 257–283.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.